

Изъ репортерскиѣхъ воспоминаній.

Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

Пушкинъ.

19 сентября 1889 года пріѣхала я на днѣпровскомъ пароходѣ изъ г. Кременчуга, Полтавской губерніи, въ Кіевъ,—искать какого-нибудь самостоятельнаго заработка.

Тогда я была очень молода. Многіе изъ моихъ недавнихъ гимназическихъ товарокъ еще продолжали учиться въ стѣнахъ кременчугской гимназіи, а обстоятельства моей жизни уже успѣли сложиться такимъ образомъ, что я устремилась изъ родного города на поиски чего-то новаго, въ сущности сама не зная чего. Выборъ мой остановился на Кіевѣ, хотя тамъ никого не было у меня. Передъ тѣмъ я побывала въ Кіевѣ всего одинъ разъ—нѣсколько лѣтъ назадъ, еще подросткомъ. Мы съ покойной матерью ѣздили въ Кіевъ на богомолье, и городъ этотъ остался въ моей памяти, какъ чарующая панорама, какъ эмблема чего-то безотчетно-радостнаго. Теперь Кіевъ потянулъ меня къ себѣ прежде всего своею красотой, какой-то особенной привлекательностью.

«Поѣду въ Кіевъ, и тамъ что-нибудь найду», неопредѣленно говорила я себѣ, подразумѣвая подъ словами «что-нибудь» какую-либо работу, заработокъ. Но какъ искать, и даже въ какой области труда начинать поиски, я положительно не знала. По моимъ симпатіямъ и склонностямъ привлекала меня литературная работа, потому что съ дѣтскихъ лѣтъ моихъ литература наиболѣе увлекала и захватывала меня. Интересъ и любовь къ ней привила мнѣ моя мать, благоговѣвшая передъ художественными произведеніями слова и предъ творцами этихъ произведеній. Личная ея жизнь сложилась неудачливо. Уроженка г. Боброва, Воронежской губерніи, дочь соборнаго священника этого города—Марія Ильинична Ясеновская—она была по своему времени образованной и развитой дѣвушкой, а по складу характера отличалась мечтательностью, сердечной добротой, всепрощающей кротостью, большой любовью ко всему изящному. Особенно любила она литературу и театр.

Въ юности и потомъ—уже замужней женщиной—она писала небольшіе лирическіе стихи, очень прочувствованные, но не представлявшіе сколько-нибудь серьезнаго литературнаго интереса. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ г. Бобровѣ стоялъ Каргопольскій драгунскій полкъ, въ которомъ служилъ отецъ мой, Николай Константиновичъ Меньшиковъ, тогда молодой, красивый офицеръ и полковой адъютантъ, происходившій изъ зажиточной въ тѣ времена помѣщичьей семьи Полтавской губерніи, Кременчугскаго уѣзда. Отецъ увлекся Маріей Ильиничной Ясеновской и рѣшилъ на ней жениться. Но бракъ съ «поповной» въ глазахъ его родни представился недоступнымъ мезальянсомъ. Полетѣли телеграммы съ воспрещеніями женитьбы, съ проклятіями. Въ свою очередь и отецъ неvěсты—священникъ Илья Ясеновскій—немолодой уже и тогда вдовецъ, большой оригиналъ, даже чудакъ, но человѣкъ удивительно кристальной души, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и любовью многихъ среди бобровцевъ (онъ умеръ въ весьма преклонномъ возрастѣ въ концѣ 1902 года, и похороны его привлекли толпу подгородныхъ крестьянъ и слобожанъ, которые называли его: «нашъ мужицкій батюшка») оскорбился нежеланіемъ какихъ-то «хохлацкихъ дворянчиковъ» принять его дочь въ свою семью. Онъ тоже воспротивился браку моей матери. Но молодые люди остались непреклонными и повѣнчались. Я была первымъ ребенкомъ, родившимся отъ этого брака. Вскорѣ послѣ моего рожденія отецъ оставилъ военную службу и уѣхалъ на свою родину, въ Полтавскую губернію, гдѣ служилъ по дворянскимъ выборамъ въ теченіе многихъ трехлѣтій. Мать моя не встрѣтила въ семьѣ мужа хорошаго къ себѣ отношенія. Совершенно незаслуженно, но къ ней, нежеланной и незванной, относились свысока и нѣсколько иронически, ей всячески давали понять, что она—чужая, «поповна», «попадья», кто-то низшій, недостойный занятаго имъ мѣста... Мягкая, привязчивая и кроткая, она постоянно чувствовала себя душевно одинокой. И можетъ-быть, потому стала удѣлять много времени моему, главнымъ образомъ, литературному развитію. Мнѣ не было семи лѣтъ, когда она начала брать меня съ собою въ театръ, и значительно раньше я знала на память лермонтовскаго Демона, Мцыри и Казначейшу, Полтаву и Братьевъ-разбойниковъ Пушкина. Демонстрируя остроту моей памяти, мать заставляла меня читать наизусть передъ изумляющимися (и, вѣроятно, проклинающими меня) гостями некрасовскій — Морозъ-красный-носъ, Размышленіе у параднаго подѣзда, длиннѣйшія «гражданскія» стихотворенія Розенгейма и Курочкина... Она умерла въ началѣ 1886 года, вскорѣ послѣ родовъ, еще совсѣмъ молодой женщиной. Мы успѣли перечитать вмѣстѣ съ нею всего Тургенева, Анну Каренину, Войну и миръ, нѣкоторыя отдѣльныя произведенія Гончарова, Писемскаго, Щедрина, Шеллера-Михайлова, Атавы-Терпигорева. Послѣ смерти матери я продолжала читать все, что ни попадалось подъ руку, уже

безъ всякаго руководства со стороны взрослыхъ. Моя приверженность къ литературѣ крѣпла и разрасталась, но, собираясь въ Кіевъ въ 1889 году, я не отваживалась даже и мечтать о литературной работѣ...

Въ Кіевѣ мнѣ повезло.

Совершенно случайно и непредвидѣнно судьба столкнула меня съ вліятельнымъ кіевскимъ архитекторомъ, Владимиромъ Николаевичемъ Николаевымъ. (Онъ скончался въ званіи академика архитектуры 11 ноября 1911 года и похороненъ въ Кіевѣ на Аскольдовой могилѣ.) Видный общественно-городской дѣятель, мѣстный епархіальный архитекторъ, кіевскій домовладѣлецъ и постоянный гласный кіевской думы, онъ занимался также частными архитектурными работами. По его проектамъ и подъ его наблюденіемъ возведены были въ Кіевѣ десятки общественныхъ и частныхъ зданій. Нѣкоторыя кіевскія улицы застроены сплошь В. Н. Николаевымъ, и онъ, бывало, шутя говаривалъ, что по справедливости слѣдовало бы хотя одну изъ такихъ улицъ назвать въ честь его Николаевской. Уроженецъ Петербургской губерніи, В. Н. Николаевъ попалъ въ Кіевъ въ второй половинѣ семидесятыхъ годовъ. Онъ былъ ученикомъ извѣстнаго специалиста по церковнымъ сооруженіямъ профессора архитектуры Бернгардта. По рекомендаціи Бернгардта на В. Н. Николаева возложено было наблюденіе надъ работами по укрѣпленію и окончанію Владимирскаго собора, давшаго серьезныя трещины. Соборъ передъ тѣмъ стоялъ много лѣтъ недостроеннымъ, а затѣмъ къ 1884-му году укрѣпленіе его было закончено, надстроенъ главный куполь и повѣшены колокола.

Пока достроивался Владимирскій соборъ, В. Н. Николаевъ успѣлъ акклиматизироваться въ Кіевѣ, сжился съ этимъ городомъ. Когда мнѣ довелось встрѣтиться съ нимъ, онъ отзывался о себѣ, какъ о кіевскомъ «почти старожилѣ», имѣлъ собственный домъ на Лютеранской улицѣ, пользовался немалымъ вліяніемъ.

Очень мягкій въ обращеніи съ людьми, тогда еще нестарый (лѣтъ сорока съ небольшимъ) мѣстный дѣятель, шатень, невысокаго роста, худощавый, съ маленькими руками и ступнями ногъ, съ благообразнымъ лицомъ и продолговатой каштановой бородою, онъ говорилъ негромкимъ голосомъ, скорѣе былъ молчаливъ, чѣмъ разговорчивъ и обладалъ манерами деликатнаго, но слегка застѣнчиваго отъ природы человѣка. Однако умѣлъ доводить все начинаемое имъ до конца, не отступая передъ препятствіями или неудачами, и тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, требовалось проявлять достаточную твердость. Онъ скуповатъ былъ на обѣщанія, зато, если обѣщалъ что-нибудь, на его слово можно было положиться.

Онъ принялъ живое участіе въ моей судьбѣ, и самъ вызвался помочь мнѣ въ дѣлѣ пріисканія заработка. Узнавъ о моемъ тяготѣніи къ литературѣ, В. Н. Николаевъ сказалъ: «Что жъ... Испы-

тайте сперва себя въ этой области. Всегда надо начинать съ того, къ чему у насъ наибольшее влеченіе. Хотите я устрою васъ писать въ газетѣ?» И онъ разсказалъ мнѣ, что лишь недавно достроилъ домъ профессору политической экономіи Аѣиногену Яковлевичу Антоновичу, который издаетъ и редактируетъ газету «Кіевское Слово», что новымъ домомъ своимъ профессоръ Антоновичъ, повидимому, очень доволенъ... И что если онъ, В. Н. Николаевъ, побываетъ у Антоновича и попроситъ его обо мнѣ, Антоновичъ, вѣроятно, не отвѣтитъ отказомъ.

Этотъ проектъ привелъ меня въ восхищеніе. Хотя «Кіевское Слово» мнѣ никогда не доводилось читать и видѣть (въ тѣ времена желѣзнодорожное сообщеніе полтавскаго района съ Кіевомъ было кружное и длительное, такъ что въ Кременчугѣ, напримѣръ, кіевскія газеты получались одновременно съ московскими, а потому и не пользовались распространеніемъ), но одна мысль, что я вдругъ стану литераторомъ, что меня, мои строки будутъ печатать въ какой-то «профессорской» газетѣ...—это представлялось мнѣ прельстительнымъ безмѣрно. Страшно было только, какъ бы заманчивая мечта не разсѣялась безслѣдно передъ дѣйствительностью, не оказалась неосуществимой... И я боязливо спросила у Николаева: «А какъ вы думаете, сумѣю ли я?»—«Научитесь,—послѣдовалъ увѣренный и подбадривающій отвѣтъ.—Сперва вѣдь съ репортажа вѣрно начнете? Мудрость—небольшая». Дня черезъ два послѣ того В. Н. сообщилъ мнѣ: «А наше съ вами налажено дѣло. Вчера я былъ у Антоновича и такъ расписалъ васъ, что онъ даже заинтересовался вами. Ему, оказывается, нужны репортеры. Идите завтра къ нему. И вотъ отдайте это письмо: я тутъ еще разъ напоминаю о моей просьбѣ. Его новый домъ на Большой Владимирской улицѣ. Какъ разъ противъ Золотыхъ воротъ. Найдете?»—«Найду!» Я не знала, какъ благодарить Николаева.

На утро я очутилась у Золотыхъ воротъ съ письмомъ В. Н. Николаева, адресованнымъ «профессору Аѣиногену Яковлевичу Антоновичу». Противъ Золотыхъ воротъ стоялъ новенькій многоэтажный домъ изъ желтаго кіевского кирпича съ темно-красной аркой надъ воротами въ срединѣ передняго фасада. Слева отъ воротъ, надъ входной съ улицы дверью, была вывѣска: «Контора и редакція газеты «Кіевское Слово». В. Н. Николаевъ объяснялъ мнѣ, что войти нужно въ лѣвый подъѣздъ подъ аркой, подняться по лѣстницѣ во второй этажъ, и тамъ направо будетъ дверь въ квартиру А. Я. Антоновича, а налево—въ его кабинетъ, гдѣ онъ работаетъ. Въ эту лѣвую дверь надо постучать три раза... и затѣмъ моя судьба будетъ рѣшена такъ или иначе. Если же стукнуть одинъ разъ или застучать болѣе трехъ—дверь не отворять... Я выполнила все,

какъ было предписано. На мой осторожный троекратный стукъ щелкнулъ ключъ въ замкъ, и передо мной предсталъ «Аѣиногенъ Яковлевичъ», о которомъ такъ много передумала я за послѣднїе дни и ночи. Увидѣвъ меня, онъ поспѣшно запахнулъ на себѣ сѣровато-темное пальто, надѣтое безъ жилета, на мягкую рубашку. Онъ былъ далеко нестарый, довольно рослый, крѣпко сложенный, уже начавшій полнѣть, съ негустой, растущей лишь на подбородкѣ темной бородой, съ волнистыми, длинными и немного всклокоченными волосами. Лицо прїятное, нѣсколько заплывшее; превосходные зубы, чисто-малорусская, лукаво-насмѣшливая улыбка и лукаво-проницательный взглядъ наблюдательныхъ глазъ, которые глядѣли на все кругомъ, будто никому не довѣряя.

— Вы—профессоръ Антоновичъ?—робѣя, но преодолевая геройскимъ усиліемъ воли робость, спросила я у Аѣиногена Яковлевича.

— Я,—отвѣтилъ онъ, всматриваясь въ меня своими недоувѣряющими глазами.

— Съ вами говорилъ обо мнѣ Николаевъ... Архитекторъ... Владимиръ Николаевичъ.

— Ахъ, это вы? Войдите, — произнесъ онъ, протягивая мнѣ руку, и отступилъ въ глубину узко вытянутаго кабинета, изъ котораго выходилъ большой балконъ на улицу.—Присядьте.

Мы сѣли.

— А я подумалъ про васъ, не гимназистка ли?—признался Аѣиногенъ Яковлевичъ.

Я объяснила ему, что уже не гимназистка, и отдала письмо Николаева.

— Я помню,—памятливо кивнулъ головой мой собесѣдникъ, беря у меня письмо, но не читая его.—Ваша фамилія, кажется, Меньшикова? А зовутъ васъ Варвара Николаевна?

И онъ принялся разспрашивать у меня, кто я, откуда, какъ очутилась въ Кіевѣ, какое отношеніе имѣю къ В. Н. Николаеву?

Отвѣтить на эти вопросы было очень нетрудно. Но тутъ пришлось бы коснуться моихъ семейныхъ и домашнихъ дѣлъ, говорить о которыхъ, да еще съ незнакомымъ человѣкомъ, мнѣ было не прїятно. И я отвѣчала уклончиво, отрывисто, неопредѣленно. Будто удовлетворяясь моими отвѣтами, А. Я. нѣсколько разъ повторилъ: «Ага!» и наклонялъ при этомъ голову, какъ учитель на экзаменѣ.

Онъ, кажется, отчасти не повѣрилъ мнѣ, но прекратилъ разспросы. Потѣмъ, словно примиряясь съ чѣмъ-то, въ сущности не особенно важномъ для него лично, замѣтилъ послѣ паузы:

— Итакъ, вы желаете работать въ газетѣ? Я—радъ. Вы, кажется, энергичная. Изъ васъ репортеръ можетъ выйти. Мнѣ нужны репортеры. Но репортеру необходимы знакомства. А у васъ нѣтъ знакомыхъ въ Кіевѣ? Ну, да не бѣда. Познакомитесь. Вонъ вы какъ храбро познакомились со мною. Да и Владимиръ Нико-

лаевичъ можетъ дать вамъ много свѣдѣній для хроники. Вы его попросите, пусть даетъ обо всемъ, что только ему извѣстно на первыхъ порахъ. Онъ человѣкъ освѣдомленный.

— Такъ вы позволите мнѣ надѣяться?..—начала было я, но А. Я. не далъ мнѣ докончить.

— Чего тамъ: надѣяться?—протянулъ онъ.—Самое пустое занятіе—надежды. Никогда не слѣдуетъ терять на нихъ время. Надо дѣйствовать, а не надѣяться. Тогда все преодолѣете и во всемъ успѣхъ будетъ. И теперь—идите прямо, безъ проволочекъ и начинайте работать. Начните хоть съ мирового суда покуда. Что у насъ за день сегодня? Ага... Это въ третьемъ участкѣ. Вы Кіевъ знаете?

— Немного.

— На Подоль попадете?

— Попаду.

— А тамъ выйдете на Александровскую площадь и спросите у городского, гдѣ камера мирового судьи 3-го участка. Онъ въ собственномъ домѣ: Коробка, Петръ Ѳедоровичъ. Войдите въ камеру и слушайте дѣла. А послѣ напишите о томъ, что найдете интереснымъ, и принесете мнѣ. На завтра и напечатаемъ, если пригодится.

— На завтра?—радостно всколыхнулась я.

— На завтра, разумѣется. Газетный матеріалъ нельзя мариновать долго. Чѣмъ быстрѣй, тѣмъ похвальнѣе.

— Такъ я пойду,—сказала я, вставая.

Антоновичъ остановилъ меня.

— Ааа... вашего адреса у меня нѣтъ. Куда же прислать вамъ завтра газету? Мы всѣмъ сотрудникамъ посылаемъ.

Меня даже въ жаръ кинуло отъ удовольствія: уже я—сотрудникъ? И какъ легко, какъ скоро.

— Мало-Васильевская, 28, домъ профессора Сидоренко,—назвала я свой адресъ.

— Вы все къ профессорамъ попадаете,—пошутилъ Антоновичъ.—Но, можетъ, я у покойнаго Сидоренка встрѣчался съ вами? Что-то мнѣ ваше лицо знакомо очень?

— Нѣтъ, я не бывала никогда у Сидоренка.

— Гмм... Удивительно. Но я васъ какъ будто гдѣ-то видѣлъ.

А. Я. досталъ изъ кармана пальто табакерку, похлопалъ пальцами по ея крышкѣ, открылъ, собираясь понюхать, и шутливо протянулъ табакерку.

— Не хотите ли?—предложилъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ. Благодарю.

— Не нюхаете? Напрасно. Это голову весьма освѣжаетъ. И для глазъ весьма полезно. А репортеру зоркость глазъ и свѣжесть головы—прежде всего. Репортеръ съ плохими глазами—репор-

теперь скверный. Не на своемъ мѣстѣ. Нюхайте табакъ, чтобы лучше все видѣть.

— Но я и безъ того все вижу.

— Въ самомъ дѣлѣ? У васъ хорошее зрѣніе?

— Отличное.

— Это хорошо. Да! А мы еще не условились насчетъ гонорара. Ну, гонораръ у меня всѣмъ одинаковый: три копейки. Только одному «Иглѣ», Павлику Андреевскому,—плачу больше. Остальнымъ всѣмъ три копейки. Три копейки получите и вы.

— Какъ три копейки!—испугалась и не поняла я.

— Три копейки за печатную строчку въ тридцать буквъ. Печата или корпуса—одинаково,—пояснилъ онъ.

Для меня это все же оставалось мало понятнымъ, и я попыталась предложить А. Я. мои условія.

— А можетъ, вы лучше назначите мнѣ определенное жалованье? Хотя бы самое небольшое? Мнѣ много не надо.

— А сколько же вамъ, примѣрно, надо?

— Ну... рублей сорокъ. Не больше.

Онъ пристально-пристально глядѣлъ на меня, будто опредѣляя, притворяюсь ли я, или дѣйствительно не понимаю своихъ выгодъ?

Послѣ засмѣялся и сказалъ:

— Да вы что же обсчитываете себя? Вы не обсчитывайте. При построчномъ гонорарѣ получите не сорокъ рублей, а гораздо больше.

— Изъ трехъ копеекъ?—удивилась я.

— Изъ трехъ копеекъ,—подтвердилъ Антоновичъ.—Вамъ одинъ Николаевъ сообщить свѣдѣній больше, чѣмъ на сорокъ рублей въ мѣсяцъ.

Я не возражала, и мы простились.

А на другой день, рано утромъ, двадцать шестого сентября, когда я еще лежала въ постели, квартирная хозяйка постучалась ко мнѣ со словами: «Тутъ вамъ газета»...

— Газета!?

Я бросилась къ двери, схватила газету и долго не могла развернуть сложенный вчетверо газетный листъ, до того дрожали отъ волненія руки. А потомъ долго искала и никакъ не могла найти свою замѣтку. Наконецъ увидѣла въ хвостѣ мѣстной хроники знакомый зоголовокъ: «Нарушеніе санитарныхъ правилъ». И стала читать, перечитывая снова и снова лапидарныя строки: «Нарушеніе санитарныхъ правилъ: 25 сентября въ камерѣ мирового судьи 3-го участка разбиралось дѣло домовладѣльца поручика Песоцкаго, обвиняемаго по 102 статьѣ»... Здѣсь я допустила крупную ошибку, написавши вмѣсто: «Устава о наказаніяхъ»—«Уложенія о наказаніяхъ», но, читая, не улавливала своей оплошности, и замѣтка показалась мнѣ великолѣпной.

Строки были мои, и онѣ были напечатаны, и меня это радовало безмѣрно. Въ это ощущеніе авторскаго ликованія врывалась лишь одна обидная и горькая боль. Сознаніе, что вотъ напечатаны мои первыя строки, а мать, которая такъ безпредѣльно была бы обрадована этимъ, не видитъ и никогда не сможетъ увидѣть моего выступленія на поприщѣ «литературы». О томъ же, что репортерская замѣтка въ провинціальной газетѣ вовсе не та литература, предъ которой преклонялись мы съ матерью, я не думала нисколько, какъ не останавливалась мыслью и на томъ, что же представляетъ собою газета, гдѣ состоялось мое «выступленіе»? «Пресса», «напечатано». И еще будутъ печатать... все, что я напишу... И меня будутъ читать въ разныхъ углахъ, самые разнообразныя люди. Я же начну съ хроники, а потомъ напишу что-нибудь «свое», настоящее... Это ли не писательство и не литература?

В. Н. Николаевъ согласился снабдить меня матеріалами для мѣстной хроники и терпѣливо сталъ диктовать мнѣ разнородныя замѣтки. И о городскихъ дѣлахъ, и о постройкахъ церквей въ кievской епархіи, и о Владимирскомъ соборѣ. Опытный дѣятель городского самоуправленія, человѣкъ добросовѣстно-вдумчивый и обстоятельный, онъ зналъ кievскую жизнь и разбирался въ мѣстныхъ вопросахъ, какъ рѣдкій изъ коренныхъ кievлянъ.

Послѣ отправились мы съ нимъ въ лѣтній садъ Купеческаго клуба—тоже за свѣдѣніями для «Кievскаго Слова». Садъ этотъ теперь принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ достопримѣчательностей Кіева. Тамъ въ лунные весенніе вечера струнные оркестры состязаются съ соловьями, а видъ съ площадки сада на Днѣпръ, на Подоль и Заднѣпровье одинъ изъ лучшихъ въ живописномъ Кіевѣ. Тогда же Купеческій садъ былъ въ періодѣ созиданія.

В. Н. Николаевъ завѣдывалъ въ немъ всѣми работами. ажурно-воздушное лѣтнее помѣщеніе Купеческаго клуба было уже готово вчернѣ; но зданіе лѣтняго театра и эстрады для музыки еще пребывали въ проектахъ. Планировались и приводились въ порядокъ площадки сада и откосы, прокладывались дорожки, намѣчались мѣста для цвѣтниковъ. Побывали мы въ тотъ же день и во Владимирскомъ соборѣ.

Въ соборѣ шла внутренняя отдѣлка храма. Стѣны внутри церкви окружены были массою лѣсовъ и подставокъ, дающихъ возможность подниматься на какую угодно высоту. Иконостасъ еще не былъ возведенъ и нельзя было приступить къ его установкѣ, пока стояли лѣса и подмости. На полу собора, затрудняя свободный проходъ, лежало множество громоздкихъ ящиковъ съ мраморными частями иконостасовъ. Живопись почти вся была закончена, оставалось лишь немного, и то не въ главной части церкви, а на хорахъ. Изъ мраморныхъ же работъ пока удалось укрѣпить лишь наличники вокругъ трехъ входныхъ дверей.

В. Н. Николаевъ зналъ соборъ наизусть. Онъ повелъ меня за собою, объясняя все на пути.

— Какъ видите,—говорилъ онъ серьезной, но быстрой скороговоркой,—храмъ состоитъ изъ трехъ частей, или кораблей, говоря иначе. Средній—значительно выше двухъ боковыхъ. Онъ поднимается въ два яруса и имѣетъ въ средней части своей большой куполь съ шестнадцатью окнами. За этимъ куполомъ—главный алтарь.

Правду сказать, я плохо разбираю эти поясненія. А Николаевъ продолжалъ, увлекаясь архитектурными красотами собора.

— Каждый изъ двухъ боковыхъ кораблей раздѣленъ хорами, такъ что представляетъ собою какъ бы два этажа. Съ отдѣльными окнами... Надъ хорами четыре купола. И въ нихъ...

Тутъ я чуть не со слезами призналась, что не въ силахъ услѣдить за всѣмъ, о чемъ говоритъ Владимиръ Николаевичъ.

Онъ разсмѣялся и, прекративъ архитектурныя сообщенія, обратился къ живописи.

— Живопись вся произведена на византійскій образецъ. Здѣсь, въ главномъ алтарѣ, вся работа выполнена Васнецовымъ.

Это я понимала и записала карандашомъ на бумажкѣ (чтобы не забыть): «Васнецовъ».

— «В. М.»,—подсказалъ мнѣ инициалы Васнецова мой спутникъ. Я отмѣтила: «В. М.».

— Тутъ,—продолжалъ Николаевъ,—въ верхней полукруглой части главнаго алтаря—идущая по облакамъ Богородица съ Младенцемъ Иисусомъ на рукахъ. Высота фигуры 12 аршинъ. По бокамъ размѣщены летящіе херувимы...

Потомъ смотрѣли мы изображеніе таинства евхаристіи въ нижней части алтаря. Въ серединѣ—Христа съ чашею и поочередно подходящихъ къ нему съ обѣихъ сторонъ апостоловъ.

Николаевъ безъ запинки перечислялъ святыхъ и отцовъ Церкви работы Васнецова.

— Василій Великій, Аѳанасій александрійскій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Климентъ, папа римскій, Николай Мирликійскій, Антоній печерскій...

У меня рябило въ глазахъ, я не различала святителей и поражалась, какъ хорошо знаетъ и помнитъ ихъ Владимиръ Николаевичъ. Вѣдь ихъ было такъ много—мнѣ казалось, безконечно много!—на церковныхъ стѣнахъ...

— Глядите вверхъ,—говорилъ В. Н., останавливаясь среди собора подъ главнымъ куполомъ.—Это Спаситель на темно-синемъ звѣздномъ небѣ. Величина лика три аршина.

Я записала: «Спаситель на звѣздномъ небѣ. Ликъ—3 аршина».

Мы стояли передъ работой Свѣдомскаго, изображающей надъ лѣвой входной дверью собора Христа передъ Пилатомъ. В. Н. объяснялъ мнѣ:

— Здѣсь Свѣдомскій удачно воспользовался мраморнымъ наличникомъ двери. Помѣстилъ поверхъ наличника окруженную перилами площадку. А по бокамъ, съ обѣихъ сторонъ церковной двери, у художника спускаются лѣстницы, на которыхъ...

Въ это время къ намъ подошелъ кто-то. Я оглянулась. Съ В. Н. здоровался господинъ съ преждевременно посѣдѣвшими волосами и съ молодымъ, породистымъ лицомъ. На красивомъ, свѣжемъ лицѣ его особенно выдѣлялись сверкающіе глаза. Огромные, ясно-голубые, внимательно ко всему и ко всѣмъ приглядывающіеся, глаза эти словно взвѣшивали все или производили какія-то иныя вычисленія относительно предметовъ, которые приходилось имъ разглядывать. Это оказался извѣстный художникъ В. А. Котарбинскій. Полякъ по происхожденію, онъ плохо говорилъ по-русски. Русское произношеніе его наиболѣе приближалось къ русскому говору нѣмцевъ, и понимать В. А. Котарбинскаго было довольно затруднительно.

В. Н. Николаевъ познакомилъ насъ.

Дальше мы пошли осматривать соборъ втроемъ. Здѣсь же, въ соборѣ, въ помѣщеніи справа отъ главнаго входа (потомъ тамъ крестили новорожденныхъ дѣтей) у Котарбинскаго устроена была его мастерская. Въ ней онъ писалъ не только на религиозные сюжеты, но и остальные свои произведенія. Впослѣдствіи мнѣ приходилось видѣть въ этой «крестилкѣ»: смерть Мессалины, Оргію временъ упадка Рима, Поцѣлуй волны и иныя извѣстныя полотна Котарбинскаго.

На хорахъ съ лѣвой стороны Котарбинскій показалъ намъ начатую съ мѣсяцъ назадъ и еще незаконченную работу Свѣдомскаго: вознесеніе Христа на небо. Смотрѣли мы и предварительную разработку Васнецовскаго «Шествія праведниковъ въ рай». Рисунокъ былъ сдѣланъ на полотнѣ въ размѣрѣ, уменьшенномъ противъ настоящаго въ два раза. На своемъ ломанномъ русскомъ языкѣ Котарбинскій говорилъ намъ:

— То вотъ... ангелы несутъ великомученицу Варвару и Екатерину. Это—Вѣра, Надежда, Любовь и Софія. То—праведный разбойникъ... А тутъ—Марія Магдалина. Этого же новаго святого я не знаю, какъ зовутъ. Онъ только что написанъ, и Васнецовъ мнѣ его еще не представилъ.

Послѣ заговорили о томъ, что многіе изъ кіевлянъ позировали для изображенія святыхъ и ангеловъ собора.

— И многіе далеко не святые,—лукаво усмѣхаясь, закончилъ Котарбинскій.—Тутъ въ ангелы всякія попадали дамы. И когда подъ старость кіевляне придутъ сюда замаливать грѣхи свои... то встрѣтятъ много знакомыхъ... даже слишкомъ знакомыхъ женскихъ лицъ. Тогда вспомнятъ, можетъ-быть, о такихъ грѣхахъ своихъ... которые давнымъ-давно были позабыты. Это имѣетъ значеніе для

покаянія. А для святого Петра Васнецовъ взялъ одного вашего коллегу,—обратился онъ ко мнѣ. Но говорилъ онъ такъ плохо, что я едва понимала его.

В. Н. Николаевъ пояснилъ его слова.

— Для святого Петра позировалъ сотрудникъ здѣшнихъ газетъ, Гошкевичъ, Викторъ Ивановичъ. Рыжеватый, съ большой бородой, и лысый. Какъ разъ подошелъ въ пору.

На слѣдующій день я принесла Антоновичу ворохъ свѣдѣній для газетныхъ замѣтокъ. Онъ расхвалилъ меня и мои матеріалы, а большой набросокъ: «Прошедшее и настоящее Владимирскаго собора» отложилъ въ сторону и сказалъ:

— Это мы фельетономъ пустимъ. Обстоятельный фельетонъ. Всѣ перепечатаютъ навѣрно. Владимирскимъ соборомъ интересуются. Потомъ повелъ меня въ нижній этажъ дома, въ редакцію, знакомить съ сотрудниками. Миновали контору, большую комнату съ входомъ прямо съ улицы, безъ прихожей, и очутились въ редакціи, темноватой и длинной, заставленной столами, этажерками съ газетами, шкапами. Здѣсь было многолюдно, но для меня всѣ лица сливались въ одинъ общій обликъ, почему-то волнующій мое сердце непріятной и необъяснимой боязнью.

Антоновичъ говорилъ обо мнѣ:

— Вотъ у насъ новый сотрудникъ. И кажется, будетъ хорошій, хоть и барышня. Энергичный... Въ родѣ Я—на.

И онъ принялся рассказывать, обращаясь ко мнѣ:

— Былъ у насъ сотрудникъ Я. Репортеръ — замѣчательный. Мы не сошлись съ нимъ характерами. По нѣкоторымъ причинамъ пришлось разстаться. Но, у-ухъ! хорошій былъ репортеръ. Не знаю, скоро ли появится другой такой. Очень хорошій. Изъ-подъ земли выкопаетъ, а достанетъ свѣдѣніе, какого ни у кого нѣтъ. Разъ на одномъ торжествѣ у князя N бумажку съ рѣчью изъ цилиндра вытащилъ. Князь приготовился держать рѣчь, положилъ цилиндръ передъ глазами, глядь... а бумажки нѣту. Онъ туда, сюда, — нѣту. Ну, кое-что сказалъ по памяти, не то, не се вышло. Не ораторъ онъ... Каждую рѣчь напишетъ раньше, и то заикается, читая. Еле свелъ концы съ концами. А на утро рѣчь цѣликомъ, во всей полнотѣ своей въ «Кіевскомъ Словѣ!» Чудесный былъ репортеръ... И никогда съ сотрудниками «Кіевлянина» ничѣмъ не дѣлился. Никакихъ репортерскихъ синдикатовъ не признавалъ. Ни одной строчки не передастъ имъ, бывало. Не то, что другіе... теперешніе. А. Я. сокрушенно вздохнулъ и добавилъ инымъ, уже эпически-торжественнымъ тономъ:

— Да что: Я—нѣ? У меня самъ Сергѣй Юльевичъ Витте въ «Кіевскомъ Словѣ» работалъ! Передовицы писалъ. И превосходныя. Вы, барышня, Сергѣя Юльевича Витте знаете? — внезапно спросилъ онъ у меня.

— Нѣтъ, — отвѣтила я съ легкимъ сердцемъ.

— Развѣ нѣтъ?—удивился А. Я.—Ну... когда-нибудь узнаете. О немъ нельзя не узнать. Всѣ узнають. Да еще какъ!

Онъ досталъ изъ кармана табакерку съ нюхательнымъ табакомъ, пощелкалъ по ней пальцами, открылъ крышку, взялъ щепотку табаку и втянулъ ее носомъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Ну... а куда же вы думаете направиться теперь? — обратился онъ ко мнѣ снова.

— А развѣ еще надо итти?

Я притащила такъ много хроники, что мнѣ казалось, на сегодня этого болѣе, чѣмъ достаточно. Но А. Я. сказалъ:

— Репортеру всегда куда-нибудь да надо итти. Не въ одно, такъ въ другое мѣсто. Ему никогда нельзя почить на лаврахъ.

— А куда же я теперь пойду?

— Желаете къ вице - губернатору?

— За свѣдѣніями?

— Да.

— Хорошо. Пойду къ вице - губернатору.

— У насъ нѣтъ регулярныхъ свѣдѣній изъ губернскаго правленія. Надо, чтобы барышня организовала это дѣло. Иванъ Александровичъ, — сказалъ Антоновичъ темно-русому господину въ очкахъ, сидѣвшему за отдѣльнымъ столикомъ у входа въ редакцію. Напишите на редакціонномъ бланкѣ удостовѣреніе, что Варвара Николаевна—наша сотрудница.

Иванъ Александровичъ быстро настрочилъ удостовѣреніе, приложилъ къ нему редакціонную печать и вручилъ мнѣ. А Антоновичъ разсказалъ подробно, какъ попасть къ вице-губернатору. Послѣ онъ добавилъ:

— Вы, значить, наладите это... чтобы постоянно получать «Кіевскому Слову» оттуда свѣдѣнія?

— Попробую.

— Ну... часъ добрый.

Вице-губернаторомъ былъ тогда въ Кіевѣ Александръ Павловичъ Баумгартенъ; человѣкъ уже немолодой, любитель живописи и театра, покровитель художниковъ, артистовъ и литераторовъ, называвшій себя «другомъ прессы». Простой, вполне доступный, рыцарски-добрый, утонченно-вѣжливый и деликатный, онъ понравился мнѣ съ первыхъ словъ нашего знакомства. Онъ охотно вступилъ со мной въ продолжительный разговоръ. А къ просьбѣ моей организовать въ губернскомъ правленіи систематическую выдачу свѣдѣній для «Кіевского Слова» отнесся сочувственно, но съ оговоркой.

— Видите ли, — началъ говорить онъ, потирая, какъ бы въ затрудненіи, свой тщательно выбритый подбородокъ выхоленной рукой. — Собственно говоря, разрѣшить вамъ это офиціально я не

могу. Мы — учрежденіе правительственное, у насъ сообщать обо всемъ въ газеты...ммм... какъ бы это сказать?.. ну, не принято. Другое дѣло, напримѣръ, въ канцеляріяхъ городского самоуправленія. Тамъ дѣла подлежатъ предварительному обсужденію въ печати. У насъ же... хотя у насъ и нѣтъ никакихъ секретовъ, но... это не такъ удобно. Словомъ, если поставить вопросъ на формальную почву, я съ большимъ сожалѣніемъ, но долженъ буду отказать вамъ. Это я вамъ говорю, какъ вице-губернаторъ, но лично я... я всегда былъ другомъ гласности, прессы и литераторовъ также. И всегда сердечно радъ оказать имъ всяческое, доступное мнѣ, содѣйствіе. А потому, если вы станете время отъ времени обращаться ко мнѣ за свѣдѣніями... Понимаете? Лично ко мнѣ, но отнюдь не въ канцелярію губернскаго правленія... я готовъ сообщать вамъ кое-что интересное для печати. Повторяю: я неизмѣнный и давнишній почитатель и другъ прессы.

Онъ тутъ же выразилъ желаніе продиктовать мнѣ нѣсколько замѣтокъ.

— Раскройте вашу записную книжку, — предложилъ онъ, — и пишите: «Къ вопросу о»...

— У меня нѣтъ книжки, — испуганно заявила я. — Попрошу у васъ, если можно, кусочекъ бумаги. Самой простой.

— Нѣтъ книжки? — изумился онъ. — А гдѣ же вы отмѣчаете ваши матеріалы и записи?

— Да я пока такъ... по памяти. Или на бумажкѣ. Еще не успѣла купить книжку. Я вѣдь только позавчера сдѣлалась репортеромъ.

Онъ весело засмѣялся. Потомъ вынулъ изъ бокового кармана довольно толстую, изящную записную книгу въ мягкомъ и тонкомъ кожаномъ переплетѣ. Раскрылъ ее, быстро вырвалъ нѣсколько первыхъ исписанныхъ листовъ, бросилъ ихъ на свой столъ, а книгу съ карандашомъ протянулъ мнѣ, говоря:

— Позвольте сдѣлать вамъ это маленькое подношеніе. Извиняюсь, что съ изъясномъ, но вы не брезгуйте. У меня легкая рука. Я приношу людямъ удачу.

Я была смущена, но книгу, конечно, приняла. Послѣ онъ началъ диктовать газетную хронику. Но едва я написала нѣсколько строкъ, какъ онъ, заглянувъ въ мою книжку, расхохотался отъ души и громко.

— Это вы всегда такъ крупно пишете? — удивился онъ. — Да вамъ не подойдетъ никакая записная книга при такомъ размахѣ.

— А что же мнѣ дѣлать? — возразила я. — Это мой почеркъ.

— Очень твердый почеркъ, — шутливо замѣтилъ онъ. — Рѣшительный и своеобразный, словно у Бисмарка или у Льва Толстого.

— У Льва Толстого? — обрадовалась я. — Славу Богу, что хоть почеркъ похожъ.

Онъ опять засмѣялся и продолжалъ диктовать уже безъ перерывовъ. А разставаясь со мной, сказалъ на прощанье:

— Отнынѣ, слѣдовательно, вы у насъ — въ роли «Общественнаго мнѣнья»? Вамъ извѣстно, что это за «Общественное мнѣние»? Видѣли, какъ оно бродить всюду, пощелкивая бичомъ?

Я не поняла его. Оказалось, онъ говорилъ объ «Общественномъ мнѣніи» изъ Орфея въ аду, оффенбаховской оперетки, которой я тогда не знала.

Онъ продолжилъ:

— Я такъ и буду называть васъ: «Общественное мнѣнье». Вы позволяете? Отлично. До свиданья. Помните же, что я—другъ прессы. Если встрѣтится какое недоразумѣніе, затрудненіе, препятствіе... обращайтесь ко мнѣ. Что могу, всегда сдѣлаю. Представителямъ прессы я сердечно радъ оказаться полезнымъ.

Торжествующая и радостная, прибѣжала я въ редакцію.

— Ну, что? — вѣжливо спросилъ у меня редакціонный секретарь, Иванъ Александровичъ.—Добыли что-нибудь у Баумгартена?

— Есть! — крикнула я, потрясая записной книжкой. — Шесть замѣтокъ. Самъ продиктовалъ. И книжку подарилъ. Свою, записную.

— Кто?

— Вице - губернаторъ.

— О! недурно для начала.

Пришелъ А. Я. Антоновичъ и, точно испытывая дальнѣйшую мою пригодность на амплуа репортера, сказалъ мнѣ:

— А вечеромъ въ субботу вы пойдете въ университетъ. Тамъ засѣданіе юридическаго общества. Докладъ Змирлова о торговой несостоятельности. Въ VI аудиторіи. Надо прослушать и написать отчетъ. Напишите?

— Попробую, — отвѣтила я на этотъ разъ совсѣмъ робко. Слова: университетъ, аудиторія, докладъ и торговая несостоятельность не на шутку устроили меня.

— Вотъ хорошій отвѣтъ, — подбадривалъ меня Антоновичъ.— Никогда не говорите: нѣтъ, не могу, не умѣю. И тогда все сможете, все осилите, все сумѣете.

Онъ ушелъ.

Я продолжала переписывать вице - губернаторскія сообщенія. За длиннымъ столомъ въ редакціи сидѣли еще нѣсколько сотрудниковъ, именъ которыхъ я пока не знала. Одинъ изъ нихъ — сравнительно пожилой — съ густой и большою рыжей бародой, съ прямыми, длинными, темно - рыжими волосами дописалъ мелкимъ почеркомъ узкую полоску бумаги, поднялъ голову и уставился на меня зелено - голубыми, насмѣшливыми глазами. Холодно-поучительнымъ тономъ и очень свысока онъ сказалъ мнѣ:

— Только вы смотрите, пишите толковѣе и поосторожнѣй. А то наврала, напутала въ замѣткѣ: «нарушеніе санитарныхъ правилъ»... а изъ-за васъ и мнѣ, какъ корректору, нахлобучка.

— Какъ наврала? Какъ напутала? — едва выговорили я въ волненіи.

— А такъ, что вмѣсто: «по 102-й статьѣ Устава о наказаніяхъ» вы написали: «Уложенія о наказаніяхъ». А я читалъ ночную корректуру и не замѣтилъ. Мнѣ и влетѣло изъ - за васъ отъ «Аѣиногена». Самъ вѣдь редактировалъ въ рукописи и пропустилъ тоже... а на меня окрысился.

Я огорчилась чуть не до слезъ. Видя мою обезкураженность, всегдашній редакціонный миротворецъ, секретарь Иванъ Александровичъ, примирительно вступился за меня.

— Есть о чемъ толковать, — кротко сказалъ онъ мнѣ въ утѣшеніе. — Это—пустякъ. Всѣ такъ и поймутъ, что тутъ описка. Или корректорскій недосмотръ, опечатка. Варвара Николаевна—новичокъ въ газетной работѣ. И не юристъ притомъ.

— А засѣданіе юридическаго общества вести будетъ? — раздраженно замѣтилъ пожилой сотрудникъ.

— Ну такъ что же? — возразилъ секретарь — Если что не такъ, мы исправимъ. Юристъ зато я. И Аѣиногенъ Яковлевичъ также.

— Тогда не взваливайте впредь на мою голову чужихъ ошибокъ.

— На вашу голову можно взвалить. Вы—газетчикъ опытный. Вонъ — и въ «Зарѣ» и въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» еще работали. Къ вамъ иныя требованья.

— Э! — махнулъ рукой опытный газетчикъ. — Не бабѣ это дѣло репортерствомъ заниматься. Хоть Аѣиногенъ тамъ и толкуетъ про американокъ и прочее... а въ газетѣ — бабѣ не мѣсто.

— И очень даже мѣсто, — не сдался и на этотъ разъ мой заступникъ. — Американки - репортеры работаютъ не хуже мужчинъ.

Мое приподнято - радостное настроеніе погасло. Но я старалась сдѣлать безразличное лицо, чтобы не проявить, до какой степени обезкуражили меня тонъ и слова опытнаго сотрудника.

Впослѣдствіи я узнала, что фамилія его С—скій. С. (нынѣ онъ давно уже покойный) велъ отчеты о засѣданіяхъ городской думы и служилъ корректоромъ при типографіи Антоновича. Онъ владѣлъ небольшимъ домикомъ гдѣ - то на окраинѣ города; въ мѣстныхъ газетахъ работалъ издавна и считалъ себя несравненнымъ знатокомъ вопросовъ, касающихся городского самоуправления. О себѣ, какъ о литераторѣ, былъ преувеличенно-высокаго мнѣнія. Кажется, онъ искренно полагалъ, что писать думскіе отчеты и о «городскихъ» дѣлахъ — это дано не каждому. Теперь его шокировалъ самый фактъ моего появленія въ редакціи. Ему представлялось, что я однимъ уже участіемъ своимъ въ составленіи мѣстной хроники

какъ бы роняю престижъ опытности, независимости и освѣдомленности самого С., работавшаго и въ «Зарѣ» и въ древнемъ «Кіевскомъ Телеграфѣ»... А тутъ еще въ числѣ извѣстій, сообщенныхъ мнѣ наканунѣ В. Н. Николаевымъ, многія замѣтки касались именно городскихъ дѣлъ. Освѣщены были они съ полнымъ знаніемъ трактуемаго предмета, и Антоновичъ, любившій поддразнивать своихъ сотрудниковъ и «сбивать съ нимъ спесь», преувеличенно расхваливалъ мою хронику въ редакціи... Это уже была форменная конкуренція. Сама того не понимая, я вторгалась въ область, которую С. считалъ неотъемлемо своею и только своею. Подзадорило его не въ мою пользу и заступничество секретаря редакціи.

— Да ужъ Иванъ Александровичъ, извѣстный дамскій угодникъ,—иронически замѣтилъ С. и принялся рассказывать анекдотъ «объ одномъ еврейскомъ мальчикѣ».

— Пришелъ еврейскій мальчикъ на пріемный экзаменъ въ училище. Видъ у него смысленный, но самоувѣренный, и это раздражаетъ учителя. Учитель спрашиваетъ у него: «Ты задачи рѣшать умѣешь?» — «Могу, я все могу гиспадинъ учитель». — «А басни знаешь?» — «И басни могу». — «А таблицу умноженія?» — «И таблицу». — «А диктовку напишешь?» — «И диктовку напишу. Я все могу, гиспадинъ учитель!» Учитель, разсердившись, нарочно выбираетъ диктовку потруднѣе. — «Ну, пиши: «напрасно плѣнникъ безнадежно къ аула жизни привыкалъ»... Ученикъ шустро прислушивается къ незнакомымъ для него словамъ и пишетъ наугадъ, но не колеблясь: «Напрасно плѣнникъ безнадежникъ къ уломшѣ жизни привыкало»... Учитель, провѣряя тутъ же диктовку, говоритъ ему: — «Эхъ, ты! Самъ ты «уломша!». Безтолочь написалъ какую! А еще хвалился: «Я все могу, господинъ учитель». Тогда ученикъ съ глазами, полными слезъ, «шмаргая» носомъ, отвѣчаетъ: — «Я - я - я... все - о... мо - огу - уу... гиспадинъ учитель... то - оль - ки - и... все - о... пло - о - ох - о!»

Въ редакціи смѣялись.

С. кончилъ и, будто ненарокомъ, глянулъ на меня. Но я и безъ его краснорѣчиваго взгляда понимала, почему вспомнилъ онъ о своемъ еврейскомъ мальчикѣ.

Надолго потомъ сохранилось у меня къ С. остро - непріязненное чувство.

Среди сотрудниковъ «Кіевского Слова» оказался еще одинъ, котораго возмутило мое появленіе. Это былъ старый кіевскій поэтъ Аристовъ — чудакъ и нелюдимъ, ненавидѣвшій и старательно избѣгавшій женщинъ. Онъ издалъ когда-то въ Кіевѣ книжку своихъ стихотвореній, съ которыми мнѣ такъ и не случилось ознакомиться, а при мнѣ писалъ въ «Кіевскомъ Словѣ» судебныя замѣтки изъ камеръ мировыхъ судей. Въ редакціи отъ всѣхъ сторонился и хронику свою строчилъ обыкновенно въ конторѣ за однимъ

изъ столовъ, который освобождался къ четыремъ часамъ дня. Онъ тоже былъ обиженъ моимъ вторженіемъ въ его область, да и не угоняться было ему за мною по мировымъ судьямъ. Хотя насъ познакомили, но при встрѣчахъ онъ не кланялся, а дѣлалъ видъ, будто не примѣчаетъ или не узнаетъ меня. Вскорѣ онъ перешелъ въ число сотрудниковъ «Кіевлянина», но и тамъ проработалъ не долго и поступилъ корректоромъ въ городскую думу, а потомъ спустя непродолжительное время скончался. Позже, когда я начала ходить въ городскую управу за газетными свѣдѣніями, онъ, завидѣвъ меня, поспѣшно и непріязненно отворачивался, будто боясь, какъ бы я не подошла къ нему, не заговорила. И за глаза называлъ меня презрительнымъ мѣстоименіемъ: «эта»... Одинокій и бездомный, онъ умеръ, какъ и жилъ, уединенно, незамѣтно и тихо. Какъ - то, не видя его долгое время, я спросила у управскаго секретаря: «А гдѣ Аристовъ? что его не видно? Не боленъ ли?»— «Эге. Его и похоронили уже. Больше недѣли, какъ померъ».

Мнѣ пришлось писать его некрологъ, и тутъ только поняла я, что мое появленіе выжило его изъ «Кіевскаго Слова».

Субботнее засѣданіе юридическаго общества было для меня тяжелымъ испытаніемъ. Особенно вначалѣ. Я жестоко боялась спасовать и заранѣе порѣшила, выслушать все съ такимъ вниманіемъ, на какое только способна голова моя. А дальше, если ничего не пойму въ засѣданіи, — рѣшила откровенно заявить въ редакціи, что рефератъ Змирлова оказался мнѣ не по силамъ.

Гулко раздались мои неувѣренные шаги по широкимъ, неясно освѣщеннымъ коридорамъ, ведущимъ отъ «профессорскаго» входа къ VI-й аудиторіи. Университетскіе служители указывали мнѣ путь, у входа въ VI аудиторію стояли вѣшалки для верхняго платья. Я раздѣлась и, войдя въ аудиторію, заняла мѣсто на второй скамейкѣ обширнаго амфитеатра. Было еще рано, потомъ стали собираться юристы, члены общества и кое-кто изъ публики. Пре-старѣлый Демченко открылъ засѣданіе, и началъ читать докладъ К. П. Змирловъ (нынѣ сенаторъ гражданскаго департамента, а тогда членъ кіевской судебной палаты), извѣстный своими печатными трудами въ юридической литературѣ. Кто читаетъ, я не имѣла понятія, имя К. П. Змирловъ—ничего мнѣ не говорило. Я видѣла лишь высокаго, представительнаго господина, корректно одѣтаго въ штатское платье съ чуть начинающеюся просѣдью, съ пріятнымъ голосомъ и пріятно-медлительной манерой чтенія. Онъ излагалъ свои замѣчанія на «Проектъ устава о несостоятельности». Я вслушивалась въ его слова такъ напряженно, что въ головѣ у меня начало разрастаться ощущеніе физической боли. Опасенія, что я ничего не пойму, постепенно исчезали. Референтъ говорилъ

о сущности системы, принятой проектомъ устава о несостоятельности, освѣщаль слабыя мѣста и недочеты каждой главы проекта. Я это понимала и сдѣлала кой-какія записи въ великолѣпной вице-губернаторской книжкѣ. О томъ, что докладчикъ находилъ непригодными правила проекта, опредѣляющіе торговую и неторговую несостоятельность, что нѣкоторыя изъ статей проекта непримѣнимы къ существующимъ условіямъ русской жизни, что онѣ требуютъ значительныхъ измѣненій и поправокъ... Особенно строго критиковалъ референтъ правила о подсудности конкурсныхъ дѣлъ, распределяемыхъ по проекту между окружнымъ судомъ и мировыми судьями. Помимо того, проектъ стоялъ за учрежденіе должности особаго судьи по конкурснымъ дѣламъ — комиссара, а докладчикъ находилъ дѣятельность комиссаровъ непримѣнимой къ русской жизни, но высказывался и противъ мировыхъ судей въ конкурсныхъ дѣлахъ...

Когда онъ кончилъ, ему сталъ возражать небольшой, толстенькій человѣкъ съ некрасивымъ лицомъ и крупной не по росту головой. Оппонентъ заговорилъ горячо, легко, увѣренно, съ яркой образностью рѣчи, съ красивыми повышеньями и пониженіями голоса. И едва онъ заговорилъ, въ аудиторіи точно посвѣтлѣло. — «Кто-это?!» поспѣшно спросила я у сидѣвшаго рядомъ со мною студента: — «Левъ Куперникъ», отвѣтилъ студентъ. — «Тотъ извѣстный?» — «Онъ самый». Куперникъ отстаивалъ порученіе конкурсныхъ дѣлъ мировымъ судьямъ и спрашивалъ: если мировымъ судьямъ поручаются гражданскія дѣла, то почему не могутъ быть поручены и конкурсныя? Пренія затянулись, ихъ пришлось отложить до слѣдующаго засѣданія. У меня же созрѣлъ такой выводъ: чтобы писать газетные отчеты о невѣдомыхъ доселѣ предметахъ, надо быть очень внимательной и такъ вслушиваться въ рефераты и пренія, чтобы заболѣло въ головѣ...

В. Н. Николаевъ строилъ церковь въ Рубежовской колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, кромѣ того, онъ былъ членомъ комитета, вѣдающаго дѣла колоніи, и предложилъ мнѣ осмотрѣть колонію, чтобы написать потомъ о ней въ «Кіевскомъ Словѣ». Въ теплый осенній день мы съ нимъ поѣхали въ Рубежовку, находящуюся по Житомирскому шоссе, довольно далеко за городомъ. И тамъ встрѣтились съ вице-губернаторомъ, А. П. Баумгартеномъ, который былъ председателемъ Рубежовскаго комитета. А. П. Баумгартенъ смотрѣлъ на Рубежовку, какъ на свое излюбленное дѣтище, и много сдѣлалъ для этого учрежденія. Онъ чаще всѣхъ навѣщалъ колонію, заботился о ней вездѣ и всюду. Встрѣча въ Рубежовкѣ укрѣпила мое съ нимъ знакомство. Онъ показывалъ намъ съ В. Н. Николаевымъ колоніальныя мастерскія и классныя помѣщенія. А попутно сообщалъ детальныя свѣдѣнія о текущихъ дѣлахъ колоніи, объ ея матеріальномъ по-

ложеніи, объ административномъ устройствѣ. Мы осматривали молочныя фермы и сепараторы, двѣ скирды ржи на гумнѣ, стоги овса и сѣна,—результаты ученическихъ полевыхъ работъ того года. Смотрѣли пожарные инструменты и фисъ-гармонію, недавно приобрѣтенную для уроковъ пѣнія. Въ мастерскихъ и на фермѣ мальчики встрѣчали Баумгартена улыбками. Видно было, что его хорошо знаютъ и не боятся. На дворѣ у сапожной мастерской онъ показалъ намъ самаго интереснаго изъ воспитанниковъ колоніи. Это былъ мальчуганъ съ громкой королевской фамиліей, которою онъ чванился. Живя на свободѣ, онъ постоянно убѣгалъ отъ отца, любилъ приключенія и путешествія; въ критическія минуты прибѣгалъ къ искусной и хитро-сплетенной лжи и, наконецъ, попался въ кражѣ, послѣ чего очутился въ колоніи. Онъ жилъ въ колоніи около года.

— Ты какимъ же ремесломъ занимаешься? — спросилъ у него В. Н. Николаевъ.

— Я—сапожникъ, — не безъ гордости отвѣтилъ мальчикъ.

— Что же сапоги умѣешь чинить?

— Это латки - то класть! Нѣтъ... еще не умѣю. Я больше дратвою занимаюсь.

— А читать умѣешь?

— Читать тоже умѣю.

И онъ прочиталъ изъ поданнаго кѣмъ - то учебника фразу: «Племена собирались въ шайки»...

— Ты знаешь, что значить: племена?

— Никакъ нѣтъ.

— А что такое шайка? знаешь?

Мальчикъ словно обрадовался.

— Шайку—знаю. Это... когда... мно - ого!

И онъ сдѣлалъ рукой образный, но неопредѣляемый словами жестъ, а глаза его сверкнули, какъ отъ пріятнаго воспоминанья о чемъ - то дорогомъ и хорошо - знакомомъ.

Окружающіе воспитанники сочувственно улыбались.

Одинъ изъ воспитателей замѣтилъ, что питомецъ съ королевской фамиліей любитъ драться и пристаётъ съ кулаками чуть не ко всѣмъ товарищамъ.

— Ты что же со всѣми дерешься? — обратился къ нему А. П. Баумгартенъ. — Развѣ у тебя нѣтъ такого товарища, котораго бы ты не билъ?

Мальчикъ на минуту задумался, отрицательно покачалъ головой и сказалъ:

— Такого нѣту.

Потомъ далъ слово, что больше не будетъ драться, а вмѣсто того усерднѣе позаймется дратвою.

— Смотри, — сказалъ ему Баумгартенъ. — Сдержи слово. Не то, — онъ указалъ на меня, — вотъ эта молодая особа напишетъ въ газетахъ, что ты драчунъ. Она вотъ здѣсь все разсмотритъ. И потомъ про все, про все расскажетъ въ газетахъ.

Мы довольно далеко отошли отъ мальчугана, когда онъ нагналъ насъ и, поравнявшись со мною, попросилъ негромко:

— Не печатайте вы мою фамилію!

— Что такое? — переспросила я.

Оказалось, онъ проситъ не называть въ печати его фамиліи, потому что родные у него «всѣ—хорошіе люди», и имъ будетъ обидно, если «всѣ» прочтутъ въ газетѣ объ ихъ родичѣ, сидящемъ въ «Рубежовкѣ».

Стояла особенно теплая осень, какой давно не помнили кіевляне. На цвѣтникахъ колоніи еще пестрѣло много цвѣтовъ. Ихъ щедро нарѣзали для насъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что мы не знали, куда дѣвать цвѣточные вязанки.

Обратно въ городъ поѣхали мы втроемъ въ вице-губернаторской коляскѣ, а свой фазтончикъ В. Н. Николаевъ отправилъ съ кучеромъ. Меня подвели до моей квартиры и, прощаясь, А. П. Баумгартенъ снова напомнилъ, что онъ «другъ прессы», чтобы въ трудныя минуты жизни я безъ церемоніи прибѣгала къ его содѣйствію или вліянію. Его слова не были пустой, любезной фразой. При дальнѣйшемъ нашемъ знакомствѣ онъ съ полнымъ безкорыстіемъ и съ удивительной охотливостью оказывалъ мнѣ множество услугъ, выручалъ изъ всякихъ бѣдъ и напастей. Какими только просьбами не доводилось тревожить мнѣ этого добраго человѣка. Онъ часто строчилъ рекомендательныя письма, открывавшія мнѣ двери, наглухо закрытыя для другихъ репортеровъ. Въ театрѣ, въ концертахъ, на разныхъ торжественныхъ собраніяхъ онъ умышленно афишировалъ свое дружелюбное ко мнѣ отношеніе, бывалъ со мною демонстративно внимателенъ и любезенъ. И это не разъ помогало мнѣ въ такихъ дѣлахъ и начинаньяхъ, которыя многимъ казались на первыхъ порахъ совсѣмъ безнадежными... Въ городѣ онъ считался тонкимъ знатокомъ въ области искусствъ. Въ сферѣ музыки, живописи, театра и даже литературы къ его мнѣніямъ прислушивались, ихъ повторяли. Должно-быть, потому-то по-меценатски настроенный Баумгартенъ и называлъ себя другомъ артистовъ, литераторовъ, художниковъ. Мнѣ извѣстны случаи, когда онъ со всею готовностью, иногда по собственной инициативѣ, приходилъ на помощь представителямъ этихъ профессій, — мужчинамъ или женщинамъ безразлично. Если же къ нему кто бы то ни было обращался съ просьбой, онъ не любилъ отказывать, и самъ приходилъ въ дурное настроеніе духа, когда отказъ вызывался неизбежностью. А. П. Баумгартенъ очень былъ привязанъ къ Кіеву. Впослѣдствіи онъ уѣхалъ на постъ волынскаго губер-

натора въ Житомиръ, кажется, не совсѣмъ охотно. Тамъ А. П. прожилъ не долго. Онъ скончался почти внезапно, отъ случайнаго зараженія крови, и завѣщалъ похоронить его въ любимомъ имъ Кіевѣ, на Аскольдовой могилѣ.

Тогда же — на первыхъ порахъ моихъ репортерскихъ выступленій — познакомилась я и съ Иваномъ Степановичемъ Искрой, кіевскимъ мировымъ судьей 5-го участка. Кто не зналъ въ тѣ времена въ Кіевѣ Ивана Степановича Искры? Веселый эпикуреецъ, большой сердцеѣдъ и, въ свою очередь, большой почитатель женщинъ (кажется, рѣшительно всѣхъ безъ исключенія), занимательный собесѣдникъ и неподражаемый анекдотистъ, онъ имѣлъ прочныя связи во всѣхъ слояхъ кіевского общества. Уголовно-полицейскія дѣла слушались у него по четвергамъ. Въ одинъ изъ четверговъ попала и я въ его камеру, которая помѣщалась на демократической Мало-Владимирской улицѣ, въ недорогой квартиркѣ. Было уже около 12 часовъ дня, публика плотно наполняла тѣсную камеру, злилась на безплодную потерю времени, скучливо и досадливо ворчала, а мировой судья еще не показывался. Мнѣ объяснили, что онъ живетъ не здѣсь, а въ аристократической части города, въ Липкахъ, и что запаздыванья къ разбору дѣлъ — это его «всѣгдашняя повадка».

— Потому что, — пояснилъ мнѣ говорившій, — Искра днемъ спитъ, а ночью «гуляетъ» (въ смыслѣ, веселится, развлекается).

Ждать было непріятно. Въ камерѣ злословили судью, его хроническія запаздыванья, манкированья дѣлами. Наконецъ, кто-то подѣхалъ къ подъѣзду, промелькнувъ передъ окнами.

Раздались голоса:

— Явился. Слава тебѣ, Господи!

Въ камеру торопливо вошелъ изъ прихожей высокій худошавый человѣкъ съ легкой просѣдью, съ небольшой, закругленной бородкой и пышными, нависающими надъ полнымъ ртомъ, усами. У него было довольно красивое, но уже значительно помятое лицо, большіе, слегка выпуклые глаза его часто посмѣивались, озаряемые отсвѣтомъ какого-то своеобразнаго лукавства и юмора. Онъ былъ изящно одѣтъ и немного прихрамывалъ на ходу, хотя двигался легко и быстро. Эта хромота была у него благопріобрѣтенная. Не знаю, при какихъ обстоятельствахъ, но какъ-то однажды въ него стрѣляли. Пуля попала въ ногу, и послѣдствіемъ выстрѣла осталась легкая хромота. Когда спрашивали у И. С. Искры: «Кто стрѣлялъ?» Онъ отвѣчалъ полушутливо: «Женщина, конечно. Это мнѣ за мои доблести». И больше никогда не распространялся по этому поводу, хотя вообще отличался неудержимой болтливостью.

Въ камерѣ публика окружила его безпорядочной толпой. Началась безтолковая, шумная и суетливая подача прошеній.

Судья принималъ прошенія стоя. Время отъ времени онъ вопросительно поглядывалъ на меня черезъ головы своихъ просителей. Потомъ, собравъ принятыя бумаги въ груду, передалъ ихъ секретарю. А самъ, не садясь за столъ, выступилъ нѣсколько впередъ и предупредительно обратился ко мнѣ:

— А вы по какому изволили пожаловать дѣлу?

Я не ждала этого и растерялась.

— Я?... по своему.

Онъ, улыбнувшись, повторилъ:

— Не сомнѣваюсь. Но по какому?

— Да я не по дѣлу. Я—сотрудница «Кіевскаго Слова», и пришла...

— Ахъ! Такъ это вы и есть «Общественное мнѣніе?» бурно обрадовался онъ. — Слыхалъ, слыхалъ, какъ же. Очень радъ встрѣтиться. И видѣть васъ, наконецъ, у себя. Позвольте представиться: Искра, Иванъ Степановичъ.

Мы познакомились.

Публика ждала разбора дѣлъ, а И. С. рассказывалъ, гдѣ и отъ кого довелось ему слышать обо мнѣ. И что онъ уже обижаться началъ: какъ же это такъ, «Общественное мнѣніе» всюду бавааетъ въ городѣ, а къ нему не заглянуло ни разу?

Послѣ онъ вышелъ въ сосѣднюю канцелярію, о чемъ - то пошептался съ секретаремъ и, лишь вернувшись, приступилъ къ разбору дѣлъ.

Дѣла слушались у него оригинально, какъ ни у кого другого. Эмблему судейской власти — цѣпь судьи, онъ на себя не возлагалъ, а оставлялъ ее лежать на столѣ, рядомъ съ бюваромъ. Свидѣтелей въ отдѣльную комнату не удалялъ, но вызывалъ къ допросу всѣхъ одновременно. Они толпились у судейскаго стола, горячо и шумно излагая свои показанія, вступая въ препирательства другъ съ другомъ и съ обвиняемыми. Перебивали одинъ другого, захлебывались, возмущались, спорили, укоряли, воздѣвали кверху руки, потрясали кулаками... Иванъ Степановичъ сообразительно вслушивался нѣсколько минутъ въ ихъ препирательства и говорилъ, помахивая рукой:

— Довольно, довольно... Уже я вижу, въ чемъ дѣло...

И уходилъ въ свой кабинетъ для написанія приговора.

Онъ, видимо, тяготился необходимостью просиживать по нѣсколько часовъ въ душной камерѣ, а потому, какъ школьникъ, пользовался каждой удобной возможностью побывать въ канцеляріи или у себя въ кабинетѣ.

Разобравши съ непостижимой быстротой больше десяти дѣлъ, онъ вдругъ поднялся съ мѣста и заявилъ:

— Судъ удаляется завтракать. И просить прессу (тутъ послѣдовалъ поклонъ въ мою сторону) и адвокатуру раздѣлить съ судомъ его трапезу, перекусить чѣмъ Богъ послалъ.

Адвокатура, въ лицѣ двухъ - трехъ частныхъ повѣренныхъ, направилась за судомъ... Судъ оглянулся черезъ плечо и, видя, что я растерянно гляжу, не зная, какъ быть, повторилъ слегка укоризненно:

— А пресса?

И застылъ на порогѣ камеры въ позѣ, указывающей мнѣ путь—впередѣ «суда» — къ завтраку.

Завтракали долго въ обширномъ кабинетѣ «суда» (кабинетъ былъ больше камеры), убранномъ уютно и не безъ изящества. «Судъ» весело болталъ за завтракомъ, почти не умолкая. А меня угощаль—помимо припасенныхъ въ большомъ количествѣ конфетъ — гиперболическими восхваленьями, которыя имѣлъ привычку расточать передъ всѣми, встрѣчающимися съ нимъ женщинами въ возрастѣ отъ 10 до 60 лѣтъ...

Кажется, И. С. пользовался немалымъ успѣхомъ у кievлянокъ. Но и къ неудачамъ своимъ въ этой области относился весьма философически и самъ же первый трезвонилъ о нихъ повсюду, объективно добавляя:

— Э! Что дѣлать? Я — философъ.

По этому поводу одинъ изъ пріятелей его, типичный помѣщикъ малороссъ, сложилъ на полурусскомъ, полуукраинскомъ языкѣ забавную пѣсенку съ рефреномъ:

Бо всякъ Искру знае,
Що винъ хвылозопъ.

А мѣстный поэтъ и представитель кievской золотой молодежи, Василий Т. (впослѣдствіи печально закончившій свою карьеру ссылкой въ Сибирь за поддѣлку векселей отъ имени извѣстнаго врача и профессора Н. А. Хржонщевскаго), упоминая въ своихъ шуточныхъ произведеніяхъ И. С. Искру, постоянно прилагалъ къ его имени эпитетъ: «пламенный».

«И Искра - пламенный... хоть въ пепелѣ друзья». И. С. былъ интересенъ, какъ собесѣдникъ. Онъ любилъ рассказывать разныя занимательныя исторіи. Разказы его часто носили весьма фантастическій характеръ, хотя и выдавались за подлинныя событія реальной жизни. Но интересны и ярки были они всегда неизмѣнно. И. С. Искра по добротѣ своей оказывалъ мнѣ неисчислимо много услугъ по части добыванія хроники. Не надѣясь на свою, какъ онъ называлъ, «дырявую» голову, онъ завелъ особую крошечную книжечку, чтобы отмѣчать въ ней все интересное для газеты, о чемъ (при многочисленности и разнообразіи знакомствъ его) ему часто доводилось узнавать изъ первыхъ рукъ. Когда назрѣвало что-нибудь «новенькое» въ городѣ, онъ, бывало, говаривалъ:

— Погодите. Я по этому поводу губернатора Льва Павловича Тамару проинтервьюирую. Такъ, будто для себя... Будто инте-

ресуюсь по побужденію собственныхъ мыслей. Онъ — замороженный. Для газеты ничего не дастъ. А мнѣ по дружбѣ скажетъ.

Къ «замороженному» губернатору у меня не было никакихъ ходовъ, и тутъ услуги Ивана Степановича являлись какъ нельзя болѣе кстати.

Типично для И. С. было и то, что онъ не разъ предлагалъ мнѣ:

— И охота вамъ писать о разныхъ нудныхъ дѣлахъ изъ камеръ мировыхъ судей? Ну, что это: «Наши извозчики», «Наши булочники», «Наша прислуга»? Или: «Буйство и оскорбленіе городского»? Вѣдь скука! И не скука — скучища.

— А что же подѣлаешь, если нѣтъ дѣлъ болѣе интересныхъ?

— А вы сочиняйте.

— То - есть какъ?

— Да очень просто. Напишите: вотъ де въ камерѣ мирового судьи 5-го участка тогда - то и тогда слушалось дѣло... И дальше сочиняйте. Хоть романъ цѣлый. Со всѣми аксессуарами. Чѣмъ интереснѣй, тѣмъ лучше.

— А если узнаютъ, что не правда?

— Я не выдамъ. Отстою, покрою. Не забывайте только упомянуть, что дѣло слушалось въ порядкѣ частнаго обвиненія. И что кончилось примиреніемъ сторонъ. Тогда кому до него какое дѣло? И кто смѣетъ контролировать «судъ» въ такомъ разѣ? Тутъ одинъ лишь судья могъ бы возразить и заявить: ничего подобнаго у меня не происходило. А какъ бы я сталъ возражать, если это моя же собственная идея?

Эпикуреецъ до мозга костей, Иванъ Степановичъ и умеръ, сдѣлавшись жертвой своего эпикурейства. Какъ - то въ холодную ночь отправился онъ кататься, разгоряченный продолжительнымъ и веселымъ ужиномъ. Это не прошло безслѣдно, онъ простудился и захворалъ. Вскорѣ врачи опредѣлили скоротечную чахотку. Ивана Степановича спѣшно отправили въ Меранъ, и тамъ онъ скончался 49 лѣтъ отъ роду въ началѣ 1893-го года. Тѣло его было привезено въ Кіевъ, а оттуда отправлено для погребенія въ Радомысльскій уѣздъ, въ имѣніе Ивана Степановича. Въ день прибытія тѣла стояла жестокая стужа, разыгралась метель, какую рѣдко доводится увидѣть въ Кіевѣ. И все же къ панихидѣ съѣхалось на вокзалъ немало кіевлянъ, пожелавшихъ отдать послѣдній долгъ «милому» Искрѣ...

Было тогда и еще нѣсколько оригиналовъ среди кіевскихъ мировыхъ судей. Изъ нихъ выдѣлялся одинъ, прозванный «сумасшедшимъ барономъ». Въ районѣ его участка находились городскія скотобойни и окраинныя улицы съ домами терпимости. Въ камерѣ у «барона» собиралась публика попроще и побезотвѣтнѣй. Быть-можетъ, по этой или по иной причинѣ, но «баронъ» держалъ

себя при разборѣ дѣлъ неистовымъ самодуромъ. Онъ безудержно кричалъ на обвиняемыхъ и свидѣтелей, на истцовъ и отвѣтчиковъ, на судебныхъ ходатаевъ и полицейскихъ, кричалъ такъ громко, насколько хватало мощи въ голосѣ. А голосъ у него отъ природы былъ зычный и мощный. Онъ выгонялъ третьесортныхъ адвокатовъ изъ камеры, крича: «Защита, подите прочь! Убирайтесь вонъ! Я кому сказалъ?» Или говорилъ имъ: «Защита! помолчите. Не учите меня! Я законъ не хуже васъ знаю!» А то начиналъ дико вращать глазами, стучать кулаками по столу и громко повторять, набрасываясь на какую-нибудь жертву изъ свидѣтелей или обвиняемыхъ: «Что-съ?! Что?! Что!!! Вы хотите ввести судъ въ заблужденіе? Я все вижу! Все знаю! Знаю все, что дѣлается у меня въ участкѣ! У кого что готовится на обѣдъ, и то мнѣ извѣстно! Мнѣ сорока все на хвостѣ приносить! Или моя кухарка съ базара... Откуда знаю — мое дѣло. Но мнѣ все, все извѣстно!» Относительно выступающихъ на судъ лицъ онъ не стѣснялся дѣлать во всеуслышанье самыя откровенныя замѣчанія. Острилъ, подсмѣивался, иронизировалъ, высказывалъ горькія истины или назидательныя сентенціи... Ни одинъ разборъ дѣлъ не проходилъ у него безъ подобныхъ выпадовъ, и находились любители зрѣлищъ, которые шли въ камеру «сумасшедшаго барона» какъ на интересное представленіе. Зато тѣ, чьи интересы поступали на усмотрѣніе «барона», нерѣдко приходили въ ужасъ отъ этой перспективы. Бывали случаи, когда люди покидали годами насиженные квартиры, лишь бы жить не въ «баронскомъ» участкѣ. И говорили: «Отъ суммы и отъ суда не отказывайся. Неровень часъ, угодишь къ «барону»... Но тотъ же «баронъ» внѣ своей камеры былъ благовоспитанно-пріятнымъ, лишь немного чудаковатымъ, немолодымъ холостякомъ. Онъ вращался въ высшемъ кіевскомъ обществѣ, бывалъ у всѣхъ до генераль-губернаторскаго дома включительно. Въ театральныхъ ложахъ появлялся вмѣстѣ съ начальствующими лицами того или иного вѣдомства. И когда его высокопоставленнымъ знакомымъ рассказывали о «представленіяхъ», какія даетъ «баронъ» у себя въ камерѣ, рассказы встрѣчали почти недоумѣніе, а ужъ во всякомъ случаѣ подозрѣніе въ преувеличеніяхъ...

Внезапно налетѣвшая на «барона» ревизія столкнула его съ устойчиваго судейскаго мѣста. При ревизіи обнаружены были существенныя неправильности въ веденіи дѣлъ, и «баронъ» исчезъ съ кіевскихъ горизонтовъ. Но память о немъ и объ его неистовыхъ выходкахъ долго жила, да можетъ-быть, живетъ и теперь на кіевской территоріи.

Другой мировой судья, Владимиръ Ивановичъ Н—хъ, человѣкъ безсемейный и одиноко живущій, заболѣлъ умопомѣшательствомъ. Уже будучи совсѣмъ ненормальнымъ, онъ, однако, по инерціи продолжалъ разбирать въ камерѣ дѣла, ничѣмъ при

этомъ не обнаруживая помраченія умственныхъ способностей. Правда, судопроизводство велось у него нѣсколько безтолковѣе, чѣмъ раньше, но приговоры и рѣшенія логически вытекали изъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго дѣла и не поражали никакой несуразностью. А едва разборъ дѣлъ кончался, судья вступалъ въ кругъ бредовыхъ и навязчивыхъ идей. Послѣ долговременной хронической безсонницы у него развился бредъ преслѣдованья. Главнымъ образомъ, боязнъ полиціи и сыщиковъ. Онъ боялся выйти изъ дому, боялся подойти къ окну и часами неподвижно просиживалъ у себя на диванѣ, устремивъ глаза въ одинъ пунктъ, не двигаясь съ мѣста. Такъ продолжалось долго. Наконецъ, однажды собравшаяся къ нему въ камеру публика прождала появленія судьи до часа дня, да такъ и не дождалась. Секретарь вошелъ въ квартиру къ Н. и засталъ судью на диванѣ безъ признаковъ жизни. Онъ отравился растворомъ стрихнина. По близости лежатъ листъ бумаги, на которомъ рукою Н. было написано, «Я отравился»... Дальше шло что-то безсвязное, о какихъ-то преслѣдованіяхъ...

Когда я освоилась въ Кіевѣ и среди кіевлянъ, въ редакціи стали поручать мнѣ новые и новые отдѣлы репортажа, относившіеся къ самымъ разнообразнымъ отраслямъ жизни. Приходилось ѣхать въ засѣданіе то физико-математическаго общества, то техническаго, то въ общество врачей или сельскихъ хозяевъ, то къ садоводамъ или фармацевтамъ, на собранія синдиката сахарозаводчиковъ или на собранія уполномоченныхъ общества взаимнаго кредита, на собесѣдованіе миссіонеровъ со штундистами и старообрядцами, на торжественные юбилеи и похороны, на диссертациі и публичныя лекціи въ университетѣ... Сама судьба точно хранила меня отъ крупныхъ промаховъ и ошибокъ тамъ, гдѣ я была наиболѣе беззащитна. Какъ-то не доводилось переврять и напутать относительно вопросовъ и вещей, о которыхъ писала я, не будучи вовсе съ ними знакомой. Зато я скандально попала впросакъ и грандіозно подвела «Кіевское Слово» именно тогда, когда рѣчь шла о предметѣ, мнѣ извѣстномъ хотя бы по учебнику Иловайскаго.

Это произошло изъ-за замѣтки о новыхъ картинахъ В. А. Котарбинскаго. Онъ писалъ тогда по заказу Б. И. Ханенко (нынѣшняго члена Государственнаго Совѣта) для новаго дома г. Ханенко (на Алексѣевской улицѣ) серіи картинъ изъ египетской, греческой и римской жизни. Усталая и изнеможенная, зашла я какъ-то передъ вечеромъ во Владимирскій соборъ осмотрѣть законченныя работы Котарбинскаго, чтобы написать о нихъ. Лучше остальныхъ картинъ была сцена изъ греческой жизни, и Котарбинскій прежде всего обратилъ на нее мое вниманіе. Плохо говоря по-русски, онъ очень радушно, но не совсѣмъ толково сообщалъ мнѣ:

— Это портикъ... Ионическія колонны. Византійскій императоръ... У него — пиръ... Со своими придворными... Поетъ слѣпой старецъ... Гомера... Похожденія Одиссея... Это — золотой дискъ восходящаго солнца. А тутъ — Итака.

Отъ большой усталости я слушала его далеко не вдумчиво и также не вдумчиво написала потомъ свою замѣтку. А въ результатѣ на другой день въ «Кіевскомъ Словѣ» появились слѣдующія, хорошо памятные мнѣ строки: «На портикѣ съ Ионическими колоннами пируетъ греческій императоръ со своими придворными, среди которыхъ сидитъ Гомеръ, играющій на золотой лирѣ и воспѣвающий похожденія Одиссея. Вдали виднѣется золотой дискъ восходящаго солнца и Итака».

Недоброжелательно враждующій съ «Кіевскимъ Словомъ» «Кіевлянинъ», конечно, подхватилъ моментально эту капитальнѣйшую изъ газетныхъ оплошностей. Благодаря «Кіевлянину», обратила на нее вниманіе «Стрекоза», гдѣ самъ Буква (И. Ф. Василевскій) въ обычномъ фельетонѣ своемъ увѣковѣчилъ съ соотвѣтствующими случаю комментаріями мою злополучную замѣтку... Смущена и огорчена была я безпредѣльно.

Въ редакціи не говорили объ этомъ прямо. Но злоязычный С—ій опять сталъ рассказывать объ еврейскомъ мальчикѣ, который «все» можетъ, «только все плохо»... И кругомъ сдержанно и сочувственно посмѣивались при его разсказѣ....

Поджидали, что скажетъ по этому поводу А. Я. Антоновичъ, который, въ пику остальнымъ сотрудникамъ, постоянно расхваливалъ мою репортерскую энергію и работу. Этими чрезмѣрными похвалами онъ какъ бы ударялъ мною по прочимъ редакціоннымъ работникамъ, сбивая съ нихъ спесь, наклонность къ «азнаванью», къ самообольщеніямъ и перецѣниваніямъ собственныхъ достоинствъ... Теперь ждали, что «Гомера предъ византійскимъ императоромъ» онъ не проститъ мнѣ вовѣки, что мое вдругъ укрѣпившееся въ «Кіевскомъ Словѣ» положеніе пошатнется...

Однако Антоновичъ поддержалъ меня въ моей бѣдѣ, и я не получила никакого реприманда. Онъ даже утѣшалъ меня, увѣряя, что это сущіе пустяки. А если «Кіевское Слово» лишній разъ «ругнули», то тѣмъ лучше. Если ругаютъ, это еще ничего; хорошо даже. Худо, когда молчатъ, если ничего не говорятъ о газетѣ. Ошибка же или обмолвка можетъ случиться со всякимъ. Отъ нея гарантированъ только тотъ, кто ничего не пишетъ... По его распоряженію выступилъ на мою защиту фельетонистъ Кинъ, писавшій воскресные фельетоны вмѣсто похварывающаго редакціоннаго премьера, иглы. Въ фельетонѣ появилось нѣсколько колкихъ словъ по адресу «Кіевлянина», а о моей погрѣшности было упомянуто, какъ о досадной опечаткѣ, вкравшейся по недосмотру корректора...

Съ сотрудниками «Кіевскаго Слова» я постепенно перезнакомилась, постепенно все болѣе и болѣе выяснились для меня ихъ роли, индивидуальныя черты и качества. Характерно, что у Антоновича почти не было сотрудниковъ изъ профессиональныхъ газетныхъ работниковъ. Онъ предпочиталъ новичковъ, которые внушали ему больше довѣрія, а къ «профессионаламъ-газетчикамъ» относился недружелюбно, съ обостренной подозрительностью. Если ему говорили о какомъ-нибудь странствующемъ литераторѣ, предлагавшемъ свое перо «Кіевскому Слову», онъ отвѣчалъ скептически:

— Да Богъ съ нимъ. Прохвость или шантажистъ, должно-быть. Чего намъ съ нимъ связываться.

Бывали случаи, когда онъ безъ жалости и снисхожденія мгновенно разставался съ сотрудникомъ, котораго считалъ весьма полезной для газеты находкой, но который попадался въ чемъ-нибудь неблаговидномъ. И я застала у него въ редакціи по преимуществу случайныхъ въ газетномъ мірѣ людей, привлеченныхъ къ сотрудничеству стараніями самого Антоновича. Правой рукой его въ дѣлѣ веденія газеты былъ секретарь редакціи Иванъ Александровичъ Б.,—человѣкъ основательно образованный, кандидатъ правъ, питомецъ Московскаго университета, прошедшій два факультета, естественный и юридическій, недурно знавшій чуть ли не всѣ европейскіе языки, вообще, какъ называли его въ редакціи, «ходячая энциклопедія». Въ свое время онъ подавалъ въ Москвѣ надежды, какъ видный будущій адвокатъ, работая тамъ подъ руководствомъ знаменитаго Плевако. Мнѣ доводилось видѣть у И. А. фотографическій портретъ еще далеко не стараго Плевако съ собственноручнымъ его завѣтомъ, преподаннымъ своему помощнику: «Со словомъ надо обращаться честно». Дальнѣйшая жизнь И. А. сложилась такъ, что онъ оставилъ Москву, а потомъ и адвокатскую практику и послѣ сотрудничества въ «Зарѣ» очутился у Антоновича въ «Кіевскомъ Словѣ». Иванъ Александровичъ держался націоналистически-правыхъ воззрѣній на вещи ¹⁾, былъ ревностный сторонникъ славянофильскихъ идей, Россію считалъ естественной покровительницей и опекуной остальныхъ славянскихъ народностей, и самъ вѣчно возился въ роли защитника, покровителя и опекуна, со всякими «братушками», которые подчасъ эксплуатировали и обирали его весьма беззастѣнчиво. При всякихъ обстоятельствахъ онъ оказывался существомъ добрѣйшей души, неспособнымъ обидѣть или огорчить кого бы то ни было. Никто изъ сотрудниковъ никогда не встрѣчалъ отъ него интриги или умышленной непріятности, никакого подвоха или

¹⁾ Л. З. Слонимскій называетъ «Кіевское Слово» «газетою умѣренно-консервативною съ промышленно-патріотическимъ оттѣнкомъ. (С. А. Венгеровъ «Критико-біограф. словарь русскихъ писателей и ученыхъ», I, 650). Изъ статьи г. Слонимскаго видно, какимъ плохимъ экономистомъ былъ А. Я. Антоновичъ.

укола. Безмѣрно-терпѣливый, не помнящій зла, всегда и всякому охотно шель онъ на помощь, иногда самъ предлагая свое содѣйствіе, не дожидаясь, чтобы его о томъ попросили. Онъ получалъ за свой трудъ приличное для провинціи вознагражденіе, но постоянно сидѣлъ безъ гроша, потому что раздавалъ все направо и налево. Если онъ отказывалъ кому-нибудь въ деньгахъ, это означало, что у него самого нѣтъ ни копейки. Его щедростью, какъ и его неразборчивымъ благоволеніемъ, злоупотребляли разные темныя лица. Б. жилъ тутъ же, при редакціи, въ смежной съ редакціей, тоже полутемной, комнатѣ. И если онъ долго съ утра не появлялся въ редакціи, А. Я. Антоновичъ предполагалъ шутливо:

— Навѣрное, пришли какіе-нибудь братушки и забрали у Ивана Александровича всѣ принадлежности костюма. И онъ теперь сидитъ безъ... виновать! — извинялся Антоновичъ передо мною и мѣнялъ намѣченное окончаніе фразы: — сидитъ совсѣмъ раздѣтый и не можетъ выйти.

Работникомъ былъ Б. образцово-неутомимымъ. Работалъ онъ точно шутя, удивительно легко и быстро. Страшно было взглянуть на гору иностранныхъ газетъ, прочитываемыхъ имъ ежедневно и какъ-то всегда между дѣломъ. Онъ писалъ передовицы по вопросамъ внѣшней, а часто и внутренней политики, писалъ во всякое время дня и ночи прямо начисто, отправляя исписанные листки по мѣрѣ написанія въ типографію, то и дѣло отвлекаясь отъ своей работы и приступая потомъ къ продолженію статьи иногда на новомъ листкѣ съ полуслова. Эрудиціей и памятью обладалъ онъ необыкновенной. Сотрудники обращались къ нему за самыми разнороднѣйшими справками, какъ въ энциклопедическій словарь. Тогда онъ оставлялъ свою текущую работу, вскидывалъ глаза къ потолку, собираясь съ мыслями, и давалъ полные и точные отвѣты на предлагаемые ему вопросы. А если чего не зналъ, то говорилъ скромно:

— Не могу вамъ сказать. Но объ этомъ вы, вѣроятно, найдете свѣдѣнія вотъ гдѣ...

И всегда указывалъ вѣрные и цѣнные источники. Онъ принималъ приходящихъ по дѣламъ и отъ бездѣлья редакціонныхъ посѣтителей и отпускалъ ихъ умиротворенными иной разъ послѣ заявленія самыхъ острыхъ претензій. Его мягкая манера обращенія съ людьми дѣйствовала успокоительно на наиболѣе разгоряченныхъ противниковъ гласности. Онъ же велъ дипломатическіе переговоры съ авторами изъ обывателей, авторская обидчивость которыхъ чувствительнѣй и обостреннѣй, чѣмъ у авторовъ-литераторовъ. Почти ежедневно — а нѣсколько разъ въ недѣлю обязательно — Б. облачался въ сюртукъ и ѣхалъ объясняться съ цензоромъ, которымъ былъ тогда небезызвѣстный, недавно скончавшійся, Борисъ Юзефовичъ. Къ обязанностямъ своимъ Юзефовичъ относился съ обычнымъ для провинціи цензорскимъ самовластьемъ, нерѣдко дохо-

дившемъ до самодурства. Мягкими рѣчами Б. иногда добивался у цензора желанныхъ резолюцій, но чаще онѣ оставались безрезультатными, несмотря на свою юридическую и логическую убѣдительность. Когда бывалъ занятъ лекціями въ университетѣ или научными работами А. Я. Антоновичъ, Б. редактировалъ за него всю газету. Въ роли редактора онъ отличался той же, присущей ему, мягкостью и признавался, что ему «больно» вычеркивать чужія строки, уничтожать чужой трудъ и гонорарныя надежды... Онъ исправлялъ въ рукописяхъ промахи и ошибки сотрудниковъ, правилъ редакторскую корректуру и при всѣхъ остальныхъ своихъ амплуа находилъ еще свободное время подбирать и разыскивать нужные въ данный моментъ источники и матеріалы для ученыхъ работъ Антоновича.

Въ «Кіевскомъ Словѣ» Б. работалъ съ перваго номера газеты. Относился онъ къ этому изданію съ заботливой, почти родительской нѣжностью. Трудно воспроизвести, какимъ захлебывающимся голосомъ, съ какимъ торжествомъ и сознаніемъ одолѣнія надъ вражескимъ станомъ восклицалъ онъ подчасъ по поводу того или иного сообщенія:

— Ага! У насъ есть... А въ «Кіевлянинѣ» прозѣвали!

Въ редакціи у него не было не только враговъ, но даже недоброжелателей. Его кротость и незлобивость обезоруживали всѣхъ, не исключая желчнаго С.

Кромѣ Б., работалъ въ «Кіевскомъ Словѣ» на постоянномъ жалованьѣ Василій Терентьевичъ М — въ, кандидатъ филологическихъ наукъ, кончившій филологическій факультетъ въ Кіевскомъ университетѣ. Онъ завѣдывалъ «Дневникомъ печати», т.-е. вырѣзками и перепечатками изъ русскихъ газетъ, а также отдѣломъ провинціальныхъ корреспонденцій. Помимо того, М. составлялъ «Внутреннюю хронику» — отдѣлъ, заключавшій въ себѣ небольшія, но интересныя сообщенія изъ разныхъ газетъ и журналовъ. М. былъ проникательный, но очень инертный человѣкъ, изрядный острякъ, любившій поострить исподтишка, лѣниво-медлительнымъ, будто скупающимъ тономъ. Въ «Кіевское Слово» онъ попалъ, идя по линіи наименьшаго сопротивленія, потому что эта работа сама подвернулась ему подъ руку, а о другой пришлось бы еще хлопотать и беспокоиться... А. Я. Антоновичъ, шутя, называлъ его: «Донъ Базилю» и «гишпанецъ», вѣроятно, за его смуглый цвѣтъ лица и очень черные волосы. Къ работѣ своей М. относился (какъ и ко всему «Кіевскому Слову») съ сдержанной ироніей, а себя самого именовалъ: «газетный вырѣзайло». Такъ и рекомендовался: «Василій Терентьевичъ М., вырѣзайло изъ «Кіевскаго Слова». О «собственныхъ» корреспондентахъ газеты онъ повторялъ съ досадою:

— И чортъ бы ихъ побралъ... что они только о молебнахъ съ водосвятиемъ пишутъ?

А для «Внутренней хроники» выбиралъ исключительно сенсационныя и архи-кровавыя происшествія: убійства, самоубійства,

звѣрскіе грабежи, гнусныя насилія, нанесенія тяжкихъ увѣчій... И говорилъ иногда въ редакціи съ ироническимъ глубокомысліемъ:

— Завтра прочтете интереснѣйшее происшествіе. Я и озаглавилъ его хорошо: «Убійство и самоубійство убійцы убитаго». Провинціальнымъ подписчикамъ должно страшно понравиться.

Антоновичъ, недовольный этой неутомимой жаждой крови «Дона Базиліо», осторожно замѣчалъ ему:

— Вашу хронику почитать, такъ выйдетъ, будто во всей Россіи никого больше нѣтъ, кромѣ уголовныхъ преступниковъ? Одни душегубы, грабители да гнусные насильники...

Донъ Базиліо ухмылялся и помалкивалъ, а кровавую хронику опять составлялъ по-своему.

Застала я также въ «Кіевскомъ Словѣ» мѣстнаго поэта, онъ же беллетристъ, фельетонистъ и хроникеръ, Юрія Владимировича Р. И его, какъ иныхъ сотрудниковъ, привлекъ къ редакціонной работѣ Антоновичъ, а до того Р. служилъ въ государственномъ банкѣ и лишь время отъ времени печаталъ въ «Кіевскомъ Словѣ» свои стихи и рассказы. Р. извѣстенъ на югѣ Россіи и понынѣ, какъ авторъ многихъ мелодичныхъ стихотвореній и многихъ рассказовъ, главнымъ образомъ, бытовыхъ, изъ жизни полѣсского крестьянства. Р. былъ хорошимъ редакціоннымъ товарищемъ, и добрыя отношенія съ нимъ сохранились у сотрудниковъ «Кіевского Слова» на долгіе годы, хотя изъ «Кіевского Слова» онъ вскорѣ перекочевалъ въ «Кіевлянинъ», потомъ въ «Жизнь и Искусство» и послѣ въ «Кіевлянинъ» снова.

Сотрудничалъ при мнѣ, но не долго (кажется, Иванъ Петровичъ) Новицкій, небезызвѣстный въ Кіевѣ историкъ, вскорѣ скончавшійся. Работало, кромѣ того, много студентовъ и среди нихъ—болгаринъ, Ангель Ангеловичъ Тодоровъ, нынѣ рушукскій адвокатъ и замѣтный дѣятель. Недавно мнѣ пришлось прочесть въ одной изъ корреспонденцій о балканской войнѣ, что въ Рушукѣ русскихъ корреспондентовъ встрѣчалъ и устраивалъ съ необычайнымъ радушіемъ адвокатъ Ангель Тодоровъ. А когда, изумленный его нѣжной заботливостью корреспондентъ, наконецъ, сказалъ ему: «Да что вы съ нами такъ возитесь?» Т. замѣтилъ въ отвѣтъ: «А русскіе развѣ мало возились со мною, когда я учился въ Кіевѣ?» Эту неугасимую въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ благодарность цѣликомъ слѣдовало бы отнести къ Ивану Александровичу Б., который никогда не уставалъ заботиться о всѣхъ представителяхъ славянскихъ народностей, появлявшихся въ «Кіевскомъ Словѣ», и о Тодоровѣ въ частности. Ангель Тодоровъ дѣлалъ переводы изъ болгарскихъ газетъ, писалъ самостоятельныя статьи о положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Остальные студенты работали въ качествѣ репортеровъ.

Главнымъ же редакціоннымъ премьеромъ, украшеніемъ и звѣздой «Кіевского Слова», любимцемъ и баловнемъ А. Я. Антоновича

и любимцемъ кіевскихъ читателей былъ Павелъ Аркадьевичъ Андреевскій, присяжный повѣренный, писавшій воскресные фельетоны: «Мысли вслухъ» подъ псевдонимомъ: Игла. Независимо отъ воскресенья печатались два-три раза въ недѣлю его небольшіе фельетоны подъ рубрикой: «Маленькій дневникъ», гдѣ Игла бесѣдоваль съ кіевлянами о театрахъ, о скачкахъ, концертахъ, маскарадахъ, объ интересныхъ кіевскихъ дамахъ, о мѣстныхъ ресторанахъ и кафе-шантанахъ, обо всемъ, что приходило ему на мысль. Писаль онъ хлестко, бойко, занимательно и успѣхомъ пользовался несомнѣннымъ. П. А. Андреевскій достался «Кіевскому Слову», возникшему въ 1886 году на развалинахъ передовой «Зари», какъ наслѣдіе «Зари», угасшей не по свой волѣ. Онъ былъ издателемъ «Зари» съ 1-го ноября 1880 года, а послѣднее время, передъ закрытіемъ «Зари», числился номинальнымъ ея редакторомъ, между тѣмъ какъ фактически «Зарю» редактировалъ М. И. Кулишеръ, негласно купившій у Андреевскаго издательскія права на эту газету. Послѣ долгихъ перипетій изданіе «Зари» было запрещено въ виду перехода газеты въ «еврейскія руки». Сама я эпохи этой въ Кіевѣ не застала, но тѣ, тогда еще свѣжіе, рассказы очевидцевъ, которые доводилось мнѣ слышать, рисовали П. А. Андреевскаго въ болѣе, чѣмъ неприглядномъ свѣтѣ. Кажется, исторія эта достаточно уже выяснена, освѣщена и извѣстна. Я же не берусь лишній разъ повторять ее съ чужихъ словъ и по прошествіи многихъ лѣтъ, послѣ того, какъ мнѣ ее рассказывали¹⁾... Знаю только съ увѣренностью, что при возникновеніи «Кіевского Слова» П. А. Андреевскій передалъ А. Я. Антоновичу адреса подписчиковъ «Зари» и что Антоновичъ принялъ на себя дальнѣйшее удовлетвореніе этихъ подписчиковъ «Кіевскимъ Словомъ». А самъ Игла перешелъ въ «Кіевское Слово» на амплуа фельетониста. Мнѣ пришлось узнать его часто похварывающимъ и утомленнымъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Судебной практики у него уже почти не было, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ еще получалъ крупныя адвокатскіе гонорары, пользуясь репутаціей незауряднаго криминалиста. Кіевляне продолжали считать популярнаго «Павлика» Андреевскаго хорошимъ судебнымъ ораторомъ. Но ставили ему въ вину его адвокатскую небрежность, нерадивую разсѣянность и безпечную халатность, благодаря которымъ онъ то пропускалъ уста-

¹⁾ По словамъ С. А. Венгерова въ его «Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ» (т. I, 544) «объ Андреевскомъ очень много говорилось въ періодической печати конца 1886 г. по поводу того, что онъ, воспользовавшись своимъ юридическимъ положеніемъ официального издателя, отгѣснилъ отъ газеты дѣйствительнаго собственника ея—М. И. Кулишера. Всего подробнѣе исторія этого захвата рассказана Е. Г. «въ Новостяхъ» 1886 г. за декабрь». Черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ совершился этотъ захватъ, газета была прекращена.

новленные судебные сроки, то забывалъ подготовиться къ выступленію въ судѣ. Времена, когда Павликъ зарабатывалъ по нѣсколь- ку десятковъ тысячъ въ годъ (суммы въ тѣ времена для провинціального адвоката, да еще криминалиста, громадныя). миновали невозвратно. Теперь, обремененный долгами, Андреевскій жилъ скромно въ третьемъ этажѣ отеля «Метрополь» на углу Большой Владимирской и Фундуклеевской улицъ, вблизи редакціи «Кіевского Слова». Интересно, что владѣлецъ этого отеля, «коммерсантъ» Д., былъ ярымъ и вполне искреннимъ почитателемъ Иглы и всюду гордился своимъ прославленнымъ въ Кіевѣ жильцомъ. На закатѣ застала я и фельетонныя выступленія Иглы. Онъ все похварывалъ, частенько присылалъ сказать по субботамъ, что отъ него фельетона на завтра не будетъ, чтобы поручили написать второму фельетонисту, Кину. На ногахъ «Павликъ» держался слабо и ходилъ съ затрудненіемъ, сильно налегая на изящную палку изъ чернаго дерева. Его появленія съ палкой въ рукахъ въ театрахъ и иныхъ увеселительныхъ собраніяхъ вызывали подражаніе среди начинающихъ кіевскихъ литераторовъ. Кіевской литературной молодежи того времени, очевидно, импонировали и успѣхъ, и популярность, и внѣшность, и привычки общаго любимца, Павлика... Мало-помалу появляться въ театрѣ, крѣпко опираясь на палку и разслабленно волоча ноги, стало признакомъ какъ бы хорошаго тона для молодыхъ литераторовъ послѣдующихъ поколѣній. И черезъ много лѣтъ, уже совсѣмъ недавно, увидѣвъ въ одномъ изъ кіевскихъ театровъ цвѣтушаго и свѣжаго юношу, картинно и грузно опирающагося на черную палку, я не могла воздержаться отъ вопроса, обращеннаго къ моимъ спутникамъ:

— Это не начинающій ли фельетонистъ идетъ съ палкой?

— А вы почему угадали?—не безъ изумленія отвѣтили мнѣ.

Оказалось, я не ошиблась. Традиціи временъ Павлика Андреевскаго, быть-можетъ, утратили свою исторію, но сохранились ненарушимыми почти донинѣ.

Худошавый и тонкій въ таліи, съ моложавымъ лицомъ (онъ умеръ на 41-мъ году, но выглядѣлъ гораздо моложе), съ недлинными, темными усиками и стриженной бобрикомъ головой, всегда хорошо одѣтый, служившій даже образцомъ мужского изящества для кіевскихъ франтовъ, изящный по манерамъ, съ острой рѣчью и съ острымъ, быстро все схватывающимъ умомъ, весь какой-то, какъ говорилъ онъ самъ о себѣ, «иглообразный». Павелъ Аркадьевичъ Андреевскій считался въ Кіевѣ обаятельно-привлекательной натурой. Въ редакціи «Кіевского Слова» онъ былъ самой крупной въ литературномъ отношеніи величиной. Но А. Я. Антоновичъ цѣнилъ его не только, какъ сотрудника, а еще и лично къ нему питалъ сердечную слабость, называя его за глаза просто: Павликъ. Павлику въ «Кіевскомъ Словѣ» платили наивысшій гонораръ, пять

копеекъ за печатную строку. Павликъ работалъ на особыхъ условіяхъ, ему, какъ фельетонисту, предоставлялась полная свобода дѣйствій. Несмотря на свою усиленную осторожность, Антоновичъ не цензуровалъ фельетоновъ Иглы, и тотъ писалъ вполне автономно, относились къ Павлику и цензора снисходительнѣй, чѣмъ къ кому-либо. Ему благополучно сходило съ рукъ многое, чего не простили бы никому другому.

Нѣкоторыя изъ фельетонныхъ остротъ и признаній Павлика отличались скабрёзнымъ до нецензурности характеромъ, и тѣмъ не менѣе онѣ попадали въ печать. А инья изъ его остротъ (и не только фривольныя) живутъ въ Кіевѣ и до сего дня. Мнѣ кажется, его популярности немало содѣйствовало то обстоятельство, что въ фельетонахъ своихъ онъ часто говорилъ о себѣ самомъ, говорилъ иногда не шая себя и не безъ остроумія. Онъ, напримѣръ, признавался печатно, что стоитъ ему взять въ руки перо, какъ оно само собою по привычкѣ выводитъ: «По сему моему векселю повиненъ я заплатить» и такъ далѣе. Игла откровенно и очень игриво рассказывалъ читателямъ, какъ онъ проводитъ время, за кѣмъ ухаживаетъ, чьи лучезарные глазки грезятся ему во снѣ, какое онъ пилъ на этихъ дняхъ вино и въ какомъ ресторанѣ получены свѣжія устрицы. Сѣтовалъ въ фельетонахъ на обременяющіе его долги и тутъ же пояснялъ, что слово долгъ происходитъ отъ слова: долго, т.-е. иначе говоря, на то и долгъ, чтобы не отдавать его долго. Онъ писалъ: «Если я у кого взялъ въ долгъ, то это мало заботить и волнуетъ меня. Пусть заботится и волнуется тотъ, кто далъ мнѣ деньги». Но зато и самъ Андреевскій всегда готовъ былъ подѣлиться съ неимущимъ послѣдней десятирублевкой. И если ему предстоялъ выборъ между уплатой долга или оказаніемъ помощи, хотя бы незнакомому человѣку, онъ охотнѣе избиралъ второе... Не церемонился онъ въ фельетонахъ ни съ самимъ собой ни съ другими. Онъ всячески прославлялъ одну изъ опереточныхъ пѣвицъ (труппы Ларіонова-Ларина) и писалъ о ней: «Извѣстная своими побѣдами въ мірѣ петербургскихъ театровъ»... Но тутъ же искусно и тонко подчеркивалъ между строкъ, что побѣдоносность пѣвицы неизмѣримо выше ея сценическихъ дарованій. А затѣмъ, недовольный цирковыми увлеченіями этой пѣвицы, писалъ о ней же по поводу вспыхнувшей тогда эпидеміи инфлуэнцы: «Г-жа N. (онъ называлъ ее полнымъ именемъ), хотя и не больна инфлуэнцей, но находится «sous l'influence» и вмѣсто пѣнія усердно посѣщаетъ циркъ Никитина». Самые интимные личные счеты свои съ ближними сводилъ онъ не разъ на фельетонныхъ столбцахъ. Въ Кіевѣ прекрасно понимали, о чемъ онъ говорить или на что намекаетъ, и дивились его своеобразному мужеству, его самобичеваньямъ, еле прикрытымъ тончайшей вуалью аллегоріи или фельетоннаго юмора... Типичный горожанинъ, П. А. терпѣть не могъ деревни, и повторялъ о ней: «Деревня только тѣмъ и хороша, что ее залю-

жить можно». Онъ выступалъ неизмѣннымъ ораторомъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ городской жизни. А какъ ораторъ судебный славился находчивостью, остроуміемъ, умѣлъ улавливать жизненную сторону дѣла, поворачивать и освѣщать ее такъ, чтобы потомъ можно было сказать: «Кто не грѣшенъ? Кто не виноватъ? Всѣ мы люди, всѣ человѣки!» и сыграть на этой стрункѣ въ сердцахъ присяжныхъ. На судѣ стѣснялся онъ такъ же мало, какъ и на столбцахъ фельетоновъ. О немъ рассказывали, что, обвиняясь (еще въ качествѣ редактора «Зари») по нѣсколькимъ литературнымъ дѣламъ, которыя разсматривались одно вслѣдъ за другимъ, онъ по первому дѣлу на допросы суда отвѣчалъ обстоятельно. Столько-то лѣтъ. Женатъ... И прочее. А при второмъ дѣлѣ приподнялся и замѣтилъ: «Все еще столько же лѣтъ. И все еще... женатъ!» Эта вторая фраза вызвала въ залѣ суда гомерическій хохотъ. Какъ разъ тогда у Андреевскаго шелъ бракоразводный процессъ съ женой его, Натальей Іосифовной, дочерью извѣстнаго опернаго артиста и антрепренера Сѣтова. Для Иглы ничего не значило начать рассказывать въ фельетонѣ о томъ, какъ онъ «продавалъ жену свою»... И кіевляне нарасхватъ раскупали газетные номера съ фельетонами на эту тему, при чемъ одни находили, будто рѣчь идетъ въ самомъ дѣлѣ о женѣ Павла Аркадьевича, другіе же усматривали здѣсь аллегорію и подъ «женой» подразумѣвали безвременно скончавшуюся газету «Зарю», которую П. А. то продавалъ, то прибиралъ къ своимъ рукамъ снова...

Былъ онъ еще записнымъ любителемъ (какъ и закадычный другъ его, Левъ Абрамовичъ Куперникъ) драматическаго искусства. Андреевскій переигралъ передъ кіевлянами многія отвѣтственныя роли: Чацкаго, Хлестакова, Жоржа Градищева («Злоба дня» Потѣхина), Ашметьева («Дикарка»), Пиратова («Безприданница»), Телятева «Бѣшеные деньги»). Отзывы объ игрѣ его были разнорѣчивы. Одни восторгались, другіе говорили съ улыбкой, дающей понять, что игра П. А. на сценѣ—ниже всякой критики.

Выступленія на театральныхъ подмосткахъ тоже способствовали популярности Павлика въ Кіевѣ. Публика охотно шла смотрѣть его, и самъ онъ, съ иронической усмѣшкой своей, признавалъ, что «дѣлаетъ полные сборы». Но при этомъ добавлялъ, что если бы выступилъ въ циркѣ вмѣсто Анатолія Дурова, успѣхъ былъ бы еще грандіознѣй...

Занимательно и весело рассказывалъ онъ какъ-то въ редакціи о своихъ гимназическихъ и студенческихъ годахъ въ Харьковѣ. О томъ, какимъ онъ былъ всегда сорви-головой и повѣсой и какъ «къ удивленію всѣхъ товарищей» получилъ степень кандидата правъ за диссертацию на тему о налогѣ на соль. Потомъ занялъ мѣсто сперва при прокурорѣ казанскаго, а затѣмъ самарскаго окружнаго суда. Какъ служилъ судебнымъ слѣдователемъ въ Самарѣ и внезап-

но бросилъ службу, разсердившись, зачѣмъ ему предлагаютъ мѣсто товарища прокурора въ Симбирскѣ, а не въ Петербургѣ, куда онъ просился. Оставивъ службу, она задумалъ сдѣлаться адвокатомъ. И вскорѣ поселился въ Кіевѣ, гдѣ надѣется быть и похороненнымъ «на казенный счетъ и на Аскольдовой могилѣ».

Его надежды сбылись очень скоро.

Послѣ теплой осени и безснѣжной зимы наступила ранняя весна 1890 года. Въ началѣ марта вскрылся Днѣпръ, потеплѣло, начала развиваться зелень.

Павелъ Аркадьевичъ хворалъ. Другъ его Л. А. Куперникъ, уѣзжая на время изъ Кіева, просилъ «Павлика» принять одну защиту. Андреевскій отказался, сказавъ, что собирается сдѣлать себѣ операцію. И прибавилъ въ своемъ грубовато-шутливомъ тонѣ:

— Можетъ-быть, къ тому времени я околѣю.

Послѣ того стало извѣстно и въ редакціи, что Павликъ готовится къ операціи. Наканунѣ операціи днемъ онъ былъ въ редакціи и говорилъ Антоновичу своимъ носовымъ, хрипловатымъ и капризно-скрипучимъ голосомъ:

— Купилъ я, кажется, все, что надо для операціи. Бинты... гигроскопическую вату... Хлороформъ, марлю, карболку. Какъ будто все? А, да,—гробъ еще остается. Но это и безъ меня сдѣлаютъ. Это ужъ вы, Афиногенъ Яковлевичъ, мнѣ купите.

Вечеромъ онъ повторилъ ту же остроту въ ресторанѣ Crandehotel'я, гдѣ, прощаясь съ друзьями, сказалъ:

— Иду дѣлать себѣ операцію. Кажется, все имѣю, что надо. Вату, марлю... Да, еще гробъ нужно. Ну, это ужъ пусть будетъ на казенный счетъ.

Павла Аркадьевича оперировали въ томъ же отелѣ, гдѣ онъ жилъ. Антоновичъ предложилъ владѣльцу отеля не стѣсняться затратами и расходовать все, чтобы ни потребовалось, за счетъ «Кіевского Слова».

— Больного Павлика надо обставить какъ слѣдуетъ,—повторялъ Антоновичъ и не жалѣлъ денегъ.

Операція сошла удачно. Андреевскій стоялъ на пути къ выздоровленію. Но его погубила собственная невоздержанность и чрезмерное усердіе почитателей. Оправившись послѣ операціи, онъ сталъ просить чего-нибудь «вкусенькаго»: устрицъ, напимѣръ, свѣжей икры, шампанскаго, омаровъ. Почитатели на радостяхъ обкормили его и потомъ оправдывались, приводя его фаталистическія слова: «Все равно я умру. Такъ побалуйте меня хоть на прощанье».

Ему стало хуже, и черезъ день отъ него отказались врачи. Болѣзнь закончилась смертью, подкравшейся въ то время, когда ее перестали ждать. Двадцатаго марта П. А. Андреевскаго не стало.

Велико было огорченіе Антоновича, искренно опечаленнаго этой утратой. Онъ открылъ неограниченный кредитъ на похороны

«Павлика», въ «Кіевскомъ Словѣ» появились о покойномъ прочувствованные статьи и некрологи, растрогавшіе кіевлянъ. Писали о томъ, что Кіевъ готовится хоронить своего любимца. И выходило, будто любимецъ этотъ потому оставался совершенно одинокимъ, что хотѣлъ принадлежать только Кіеву, и никому другому... Попробовать было «Кіевлянинъ» напечатать вмѣсто некролога расхолаживающе-ироническія строки съ упоминаніемъ, что какія-то пьесы, написанныя Андреевскимъ, не имѣли успѣха... Но это не достигло цѣли. Кіевъ уже всколыхнулся. И, всегда приверженный ко всему своему кіевскому, устремился толпами на похороны «Павлика». Похороны вышли торжественныя. Случилось, что никто изъ родственниковъ П. А. не смогъ пріѣхать ко дню погребенья и проводить его до могилы. Во время отпѣванья казалось, будто въ самомъ дѣлѣ хоронить Кіевъ одинокаго, любимаго въ городѣ человѣка. Красивую рѣчь произнесъ Л. А. Куперникъ «надъ ранней урной» своего друга и товарища. Рѣчь заканчивалась такъ: «Умеръ человѣкъ, безспорно самый популярный въ Кіевѣ, патнадцать лѣтъ заставлявшій говорить о себѣ. Въ немъ находили массу недостатковъ, но такова была сила его симпатичности, что ему все прощалось, все забывалось. Прощай же, дорогой другъ и товарищъ! Ты уносишь съ собой въ могилу наши лучшія симпатіи, наше горькое сожалѣніе о твоей неудавшейся жизни, о твоей безвременной смерти, и долго-долго будетъ жить среди насъ память о тебѣ,—добромъ, миломъ, столь рано погибшемъ»... Послѣ этихъ словъ двинулась печальная процессія отъ Георгіевской церкви къ Аскольдовой могилѣ. Толпа все прибывала. Дамы плакали. Стоялъ яркій, влажно-теплый весенній день, продавали фіалки, и всѣ нарасхватъ покупали лиловые букетики—для могилы «Павлика». Съ Аскольдовой могилы виденъ былъ сверкающій, широко-разлившійся Днѣпръ. Зеленѣло Заднѣпровье, блестяли озера разлива, синѣли далекіе лѣса почти на горизонтѣ, а за ними легкая дымка голубого весенняго тумана прикрывала безконечную даль.

Въ одной изъ надгробныхъ рѣчей опять упомянуто было, что семьей покойнаго на его похоронахъ является «весь Кіевъ», который съ глубокой печалью хоронитъ своего дорогого Павлика.. И это растрогало многихъ, вызвало новыя слезы. А послѣ, когда могила была засыпана, у воротъ кладбища не оказалось достаточнаго количества извозчиковъ. Трамвая тогда еще не было, большой толпѣ пришлось возвращаться съ кладбища пѣшкомъ, и въ толпѣ то тутъ, то тамъ раздавалось:

— Бѣдный Павликъ!

В. Ольнемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ записокъ репортера ¹⁾).

(Окончаніе.)

Кромѣ главныхъ и постоянныхъ сотрудниковъ, работала въ «Кіевскомъ Словѣ» плеяда сотрудниковъ случайныхъ, пишущихъ время отъ времени за плату или же въ качествѣ бесплатныхъ (какъ мы, постоянные, называли ихъ) «добровольцевъ». Звали мы ихъ еще: «графоманами», и отношеніе къ нимъ было у насъ недоброжелательное, потому что они занимали газетные столбцы, хотя и нужнымъ, но бесплатнымъ матеріаломъ и тѣмъ сокращали наши заработки...

Возникшее на обломкахъ «Зари» «Кіевское Слово» заняло послѣ «Зари» еще теплое мѣсто. Благодаря этому во многихъ кругахъ кіевского общества оно считалось, сравнительно съ «Кіевляниномъ», органомъ прогрессивнымъ. Но въ дѣйствительности «Кіевское Слово» было газетой націоналистической, предусмотрительно избѣгавшей національной травли. А составъ сотрудниковъ былъ у него удивительно пестрый, неподдающійся занесеніямъ за общія скобки. Къ этому составу примѣнимо было бы болѣе позднее суворинское выраженіе: парламентъ мнѣній. Сотрудники «Кіевского Слова» представляли собою поистинѣ «смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній». На столбцахъ этой газеты печатался (и весьма часто) Л. А. Куперникъ, котораго называли передовымъ, даже «лѣвымъ». И тутъ же выступалъ миссіонеръ В. М. Скворцовъ, пріобрѣтшій со временемъ столь опредѣленную извѣстность; или же И. А. Баженовъ—впослѣдствіи редакторъ Финляндской Газеты и комаровскаго «Свѣта».

Л. А. Куперникъ сотрудничалъ дѣятельно и часто заходилъ въ редакцію. Очаровательный собесѣдникъ, блестящій ораторъ и софистъ, онъ, однако, не имѣлъ публистической жилки. Статьи и фельетоны его были не яркіе, хотя всегда умные и послѣдовательные. Непредставительный и некрасивый, маленькаго роста, полный, съ круглой головой и короткой шеей, съ узенькими глазками, утолщеннымъ носомъ и утолщенными губами, онъ самъ высмѣивалъ

¹⁾ См. № 7.

свою внѣшность, находилъ себя похожимъ «на куль съ мукою». И все же приводилъ въ восторгъ всѣхъ, кому доводилось съ нимъ встрѣчаться.

Пока онъ молчалъ, дефекты его наружности на первыхъ порахъ, конечно, подмѣчались. Но стоило Л. А. заговорить, и его признавали очаровательнымъ. А затѣмъ вопросъ объ его внѣшности какъ-то исчезалъ, оставались лишь впечатлѣнія отъ его бесѣдъ, остротъ, шутокъ, каламбуровъ, художественно-интересныхъ разсказовъ, мѣткихъ характеристикъ и эпитетовъ... Онъ умѣлъ безпощадно анализировать даже и то, что лично ему было дорого. Такъ, онъ безспорно былъ огорченъ смертью друга своего, П. А. Андреевскаго. Куперникъ самъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи похоронъ Павлика. Но когда въ редакціи черезъ нѣсколько дней послѣ погребенья заговорили о помпѣзности похоронъ и когда кто-то изъ зеленой редакціонной молодежи восторженно замѣтилъ: «Вотъ, если бы Кіевъ похоронилъ когда-нибудь такъ же и меня!» Левъ Абрамовичъ иронически глянулъ на говорившаго и съ неописуемымъ отгѣнкомъ въ голосѣ саркастически произнесъ: «Охъ, что вы? Нѣтъ, нѣтъ! Я бы вамъ не пожелалъ подобныхъ похоронъ. Желаю иныхъ. Очень нескорыхъ... Такихъ же или еще болѣе многолюдныхъ. Но иныхъ... получше».

Былъ онъ еще не старъ, но адвокатскій престижъ его уже клонился къ закату. То-есть, у него еще оставалась въ Кіевѣ громкая репутація и хорошая практика, однако, это было уже не то, что раньше. И Левъ Абрамовичъ, обремененный дѣтьми всѣхъ возрастовъ (отъ нѣсколькихъ браковъ), уже былъ недоволенъ своими не возрастающими, а падавшими доходами. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ покинулъ Кіевъ и переѣхалъ въ Одессу, затѣмъ снова вернулся въ Кіевъ и скончался здѣсь въ «дни свободъ», при чемъ и его провожала на Аскольдову могилу громадная толпа кіевлянъ. Еще при жизни П. А. Андреевскаго разыгралась у Куперника не лишенная комизма исторія съ исключеніемъ его изъ состава кіевскаго драматическаго общества. Куперникъ былъ учредителемъ и рьянымъ дѣятелемъ этого общества. Долгое время онъ состоялъ предсѣдателемъ общества, и, наконецъ, въ предсѣдатели его не выбрали. Какъ-то онъ напечаталъ въ «Кіевскомъ Словѣ» фельетонъ подъ названіемъ: «Правила театра»; въ фельетонѣ критиковалъ новые порядки въ театрѣ драматическаго общества и больше всего не совѣмъ грамотныя правила, вывѣшенныя въ театрѣ для свѣдѣнія артистовъ. Правила, между прочимъ, гласили: «Незнаніе роли влечетъ виновнаго къ штрафу». «Артисты обязаны соблюдать строгую тишину въ разговорахъ». «Никто изъ артистовъ исключительнаго права на какую-нибудь роль не имѣетъ». «Артисты подчиняются безусловно всѣмъ замѣчаніямъ режиссера сцены («что это за режиссеръ сцены?» спрашивалъ въ фельетонѣ Л. А. Куперникъ)

относительно постановки пьесъ, тона, которымъ необходимо вести роль» и т. д.

Куперникъ, подчеркнувъ безграмотность составителей правилъ, назвалъ самыя правила результатомъ «законодательнаго зуда», объявившагося у театральныхъ заправилъ. Онъ забавно сгруппировалъ перечисленія въ правилахъ тѣхъ случаевъ, когда артистъ подвергается штрафу за ту или иную провинность. Такъ, напримѣръ: 1) за утраченную или испорченную чернилами роль; 2) за прибавку или убавку словъ въ пьесѣ; 3) за опозданіе; 4) за куреніе табаку; 5) за присутствіе на репетиціи въ пальто и калошахъ; 6) за громкіе разговоры, за ненужные фарсы ради возбужденія смѣха у публики, и, наконецъ, 7) за несвоевременное ухаживанье за артистками... Возмущенные члены драматическаго общества назначили общее собраніе и на немъ пришли къ выводу, будто Куперникъ оттого ополчился на общество, что не попалъ больше ни въ предсѣдатели, ни въ члены правленія. Ораторы требовали признанія поведенія К. явно предосудительнымъ, настаивали на необходимости самаго строгаго за это возмездія. И въ концѣ-концовъ, постановленіемъ общаго собранія, К. исключенъ былъ изъ членовъ драматическаго общества большинствомъ 18 противъ 9 голосовъ. Куперника, впрочемъ, все это нимало не уязвило. Въ своемъ письмѣ въ редакцію «Кіевскаго Слова» онъ невозмутимо писалъ: «Исключеніе меня не сдѣлаетъ правила театра лучшими или болѣе грамотными»...

Вообще онъ охотнѣе всего писалъ о театрѣ подъ рубрикой: «Театральные фельетоны». Но его перу принадлежали также статьи на всякія иныя темы, напримѣръ, рядъ фельетоновъ: «Изъ путевыхъ замѣтокъ», въ которыхъ Л. А. описывалъ свое заграничное путешествіе. Онъ проводилъ параллель между порядками заграничными и русскими, рассказывалъ про горечь сопоставленія тѣхъ и другихъ порядковъ. И признавался, что хотя *тамъ* лучше, но его неудержимо тянуло *домой*, въ Россію. «Тянетъ тебя тоска по своимъ, по своему», замѣчалъ онъ въ фельетонѣ, и повторялъ это въ редакціи почти съ досадою на себя.

О Куперникѣ, какъ и объ Андреевскомъ, ходили по Кіеву многочисленные анекдоты. Нѣкоторые изъ нихъ получили потомъ широкое распространеніе въ повседневной прессѣ. Напримѣръ, рассказъ о судебной защитѣ съ часами въ рукахъ, когда Куперникъ попросилъ предсѣдательствующаго на судѣ сообщить съ точностью, какое время показываютъ его часы; дальше обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ членамъ суда, къ товарищу прокурора, къ старшинѣ присяжныхъ засѣдателей; потомъ сказалъ, глядя на свои часы: «а у меня столько-то»... Оказалось, всѣ эти сообщенія разнились одно отъ другого. И на этомъ Куперникъ съ успѣхомъ построилъ свою защиту, доказывая несовершенство и приблизительность свидѣтельскихъ опредѣленій времени, что для защиты было весьма важно.

Въ другой разъ, защищая какого-то явнаго «жулика» по назначенію суда, Куперникъ, вмѣсто защитительной, произнесъ обвинительную рѣчь, которую закончилъ словами: «да совершится правосудіе!» И изъ-за этого возникла исторія, довольно-таки непріятная для Куперника.

Циркулировалъ въ Кіевѣ, не знаю, справедливый ли, но подробный разсказъ о томъ, какъ, торопясь по отвратительной дорогѣ съ уѣздной сессіи суда къ поѣзду и боясь опоздать, Куперникъ производилъ непрерывные выстрѣлы изъ револьвера, цѣлясь мимо уха своего ямщика.

— Если не поспѣешь, убью!—кричалъ будто бы при этомъ Куперникъ. И перепуганный до полусмерти ямщикъ домчалъ его къ поѣзду съ сверхъестественной быстротой.

Припоминается о Куперникѣ цѣлый рядъ и другихъ анекдотическихкихъ повѣствованій, но я не увѣрена въ ихъ правдивости и потому боюсь ихъ повторять.

Въ «Кіевскомъ Словѣ» печатался также извѣстный русскій философъ А. А. Козловъ. Помню его остроумный фельетонъ: «Мэонизмъ г. Минскаго». Фельетонъ былъ написанъ по поводу книги Н. М. Минскаго: «При свѣтѣ совѣсти» и имѣлъ подзаголовокъ: «Мысли и мечты о цѣли жизни». «Книга г. Минскаго распадается на двѣ части: совсѣмъ мрачную и нѣсколько освѣщенную», писалъ А. А. Козловъ. Онъ съ тонкой ироніей нападалъ на скептическое отношеніе г. М. къ нравственному ученію о безкорыстїи и самоотверженности любви и справедливости къ ближнему и къ дѣятельности, вытекающей изъ этой любви.

Присылали въ «Кіевское Слово» свои статьи многіе изъ профессоровъ мѣстнаго университета: психіатръ И. А. Сикорскій, извѣстный профессоръ судебной медицины Ф. Ф. Эргардтъ, О. О. Эйхельманъ, С. М. Богдановъ и другіе. Много писалъ часто прїѣзжавшій въ Кіевъ корреспондентъ «Новаго Времени» А. Н. Молчановъ. Сотрудничали: прославленный народный пѣвецъ Агреньевъ-Славянский, романистъ В. А. Радичъ, безызвѣстные поэты: Сергѣй Бердяевъ и Петръ Гольденцовъ, А. Д. Эртель (не беллетристъ, а кіевлянинъ, оказавшійся въ недавніе дни свободъ однимъ изъ дѣятелей союза русскаго народа).

Артистъ и антрепренеръ, Николай Николаевичъ Соловцовъ, основавшій въ Кіевѣ постоянный драматическій театръ, печаталъ въ «Кіевскомъ Словѣ» свою драму «Евлалія Рамина» и еще какую-то пьесу. Онъ нерѣдко заходилъ въ редакцію и подолгу тамъ просиживалъ. Тогда онъ выглядѣлъ цвѣтушимъ, рослымъ блондиномъ, говорилъ авторитетнымъ и громовымъ голосомъ. Прекрасный организаторъ и администраторъ, поставившій кіевскую труппу на небывалую для провинціи высоту (достаточно сказать, что у него постоянно выступали такія крупныя сценическія величины, какъ И. П.

Киселевскій, М. М. Глѣбова, Н. Н. Рошинъ-Инсаровъ, Чужбиновъ, Глама-Мщерская и другіе),—Соловцовъ у себя въ театрѣ и внѣ театра проявлялъ обостренную самоувѣренность и властность, а временами держалъ себя безапелляціоннымъ самодержцемъ и даже болѣе того,—театральнымъ деспотомъ. Впрочемъ, это не мѣшало ему хорошо ладить съ своенравными и тоже властными артистами,—какимъ былъ, напримѣръ, изящнѣйшій Киселевскій. Да и въ сношеніяхъ съ лицами иного—не театрального міра—обычно грубоватый и «надутый» Соловцовъ становился, если этого требовали обстоятельства, сговорчивымъ, выдержаннымъ и тактичнымъ человекомъ.

Музыкально-критическія рецензіи одно время писалъ въ «Кіевскомъ Словѣ» талантливый геникологъ и хирургъ Александръ Ивановичъ Юскевичъ-Красковскій, умершій совсѣмъ молодымъ. Онъ былъ недюжиннымъ музыкантомъ и музыкальныя рецензіи его имѣли успѣхъ, хотя врачи-конкуренты не безъ злобной ироніи говорили о немъ: «лучшій операторъ среди музыкантовъ и лучшій музыкантъ среди гинекологовъ»...

Работалъ также въ качествѣ сотрудника и члена редакціи на опредѣленномъ жалованьи извѣстный теперь криминалистъ Моисей Леонтьевичъ Гольдштейнъ, кіевлянинъ по происхожденію. Онъ велъ «Дневникъ печати», сопровождая вырѣзки изъ газетъ остроумными, но очень краткими замѣчаніями. Его коротенькіе афоризмы сразу обратили на себя вниманіе, ихъ стали перепечатывать въ разныхъ газетахъ. А кромѣ того писалъ онъ фельетоны, которые подписывалъ псевдонимомъ: Принцъ Гамлетъ. Фельетоны эти были, главнымъ образомъ, литературно-критическаго содержанія и назывались: «Впечатлѣнія профана». Писалъ М. Л. Гольдштейнъ и вещицы пародійнаго или юмористическаго характера. Вообще онъ искусно пародировалъ и придумывалъ для своихъ фельетоновъ заглавія, которыя запечатлѣвались въ памяти.

Критическіе фельетоны М. Л. были изданы въ Кіевѣ отдѣльной книгой. Кіевляне уже начинали привыкать къ остроумному «Принцу Гамлету», начинали интересоваться его личностью. По крайней мѣрѣ, ко мнѣ все чаще и чаще обращались съ вопросомъ: «Кто такой Принцъ Гамлетъ?» Но въ это время Принцъ Гамлетъ былъ похищенъ у кіевлянъ. Пріѣхалъ въ Кіевъ на безконечно затянувшійся процессъ милліонеровъ (старообрядцевъ Черниговской губерніи) Шведовыхъ петербургскій адвокат Утинъ. И послѣ того М. Л. Гольдштейнъ покинулъ Кіевъ, приписавшись къ Утину въ помощники.

Изъ литераторовъ, пріобрѣвшихъ потомъ болѣе или менѣе крупную извѣстность, выступалъ на столбцахъ «Кіевского Слова» популярный нынѣ беллетристъ Александръ Ивановичъ Купринъ, тогда молодой человекъ, незадолго передъ тѣмъ разставшійся съ

офицерской службой. Онъ печаталъ въ «Кіевскомъ Словѣ» много небольшихъ разсказовъ.

Разсказы эти носили на себѣ отблескъ мопассановскихъ настроеній. И самого г. Куприна (съ легкой руки одной бойкой кіевлянки) многіе звали: «Маленькій Мопассанъ». Небольшія новелки А. И. Куприна, появлявшіяся въ кіевскихъ газетахъ, изданы были въ Кіевѣ отдѣльнымъ сборникомъ подъ общимъ названіемъ: «Миніатюры». Кромѣ г. Куприна, сотрудничали въ «Кіевскомъ Словѣ» поэты: Д. Ратгаузъ и Л. Мундштейнъ (Lolo). Lolo, тогда юный студентъ, подписывался Л. Мун — ъ. Веселый, всегда оживленный и жизнерадостный, онъ почти ежедневно бывалъ въ редакціи, гдѣ поражалъ всѣхъ тою легкостью, съ какою овладѣвалъ римою. Онъ свободно, безъ камней преткновенія и помарокъ, писалъ стихами въ любой моментъ, на любую тему, не спотыкаясь даже на сонетахъ. И стихи у него выходили звучные, гладкіе, безупречные по формѣ, неглубокіе по содержанію, но остающіеся въ памяти у читателя. Перечисленіе остальныхъ случайныхъ сотрудниковъ «Кіевского Слова» заняло бы слишкомъ много мѣста. Это были интеллигенты всѣхъ толковъ и профессій, а преобладали среди нихъ мѣстные адвокаты, врачи и педагоги. Наѣзжали время отъ времени и появлялись у насъ въ редакціи и петербургскіе писатели-беллетристы и иные, которыхъ мы называли «гастро-лерами». Бывалъ Василій Ив. Немировичъ-Данченко, Іеронимъ Ясинскій и другіе. У В. И. Немировича-Данченко было въ Кіевѣ немало почитателей. Почитатели чествовали его лукулловскими пиршествами съ раздачей золотыхъ жетоновъ въ память чествованія. Дружной толпой сопровождали они Вас. Ив., какъ почетная свита, въ театрахъ и повсюду, гдѣ появлялся писатель.

Всѣхъ этихъ разнородныхъ, ничѣмъ необъединенныхъ другъ съ другомъ людей, энергично привлекалъ къ сотрудничеству въ газетѣ А. Я. Антоновичъ. Если сотрудникъ оказывался пригоднымъ и полезнымъ, А. Я. умѣло удерживалъ его, искусно вызывая на дальнѣйшую работу.

Кипѣло, бывало, редакціонное дѣло, неутомимо дѣйствовали ножницы и клей, скрипѣли перья, секретарь Иванъ Александровичъ утопалъ въ грудѣ прочитанныхъ имъ иностранныхъ газетъ, щелкали счеты въ сосѣдней конторѣ, трещалъ пронзительный (старинной системы) телефонъ, прибѣгали изъ типографіи за матеріалами для набора метранпажъ или наборщики и, наконецъ, безшумно и всегда невзначай появлялся въ редакціи самъ «Аѣиногенъ» (такъ упрощенно называли его и сотрудники, и служащіе въ конторѣ, и наборщики, и бородатый сторожъ редакціи, и очень многіе изъ кіевлянъ). Онъ навѣдывался поглядѣть, все ли въ должномъ порядкѣ. Садился, улыбался своею никому недовѣряющею улыбкой, пощелкивалъ пальцами по табакеркѣ, часто нюхалъ табакъ, вы-

тирался большими цвѣтными платками, похваливалъ однихъ и поддразнивалъ другихъ насмѣшливыми шуточками, а попутно выискивалъ во всѣхъ мелочи, никому не довѣряя вполне, всѣхъ съ опаской остерегаясь.

Недавно мнѣ пришлось узнать, что о благополучно здравствующемъ А. Я. Антоновичѣ, какъ о редакторѣ «Кіевскаго Слова», уже появились воспоминанья, выставлющія Антоновича исключительно съ отрицательной стороны, въ видѣ эксплуататора сотрудниковъ, человѣка цинично-безпринципнаго и проч. Мнѣ не случилось узнать А. Я. ближе. Ни съ нимъ, ни съ его семьей у меня не было личнаго внѣредакціоннаго знакомства. Не берусь судить о немъ ни какъ объ ученомъ (тутъ я не компетентна), ни со стороны его идейнаго багажа или характера сыгранной имъ общественной роли: тутъ его фигура настолько законченно опредѣлилась, что передъ нею, кажется, не остается мѣста для двухъ мнѣній. Своихъ воззрѣній на вещи онъ ни отъ кого не тайлъ, высказывалъ ихъ въ газетныхъ статьяхъ, въ научныхъ трудахъ, въ частныхъ бесѣдахъ. И тѣ сознательные люди, которые сознательно шли къ нему въ сотрудники, должны же были видѣть его въ настоящемъ свѣтѣ, знать, куда они идутъ, съ кѣмъ вступаютъ въ общеніе... Но если говорить объ Антоновичѣ, какъ о редакторѣ-издателѣ, эксплуатирующемъ чужой трудъ и угнетающемъ сотрудниковъ, то здѣсь получится, на мой взглядъ, отклоненіе отъ истины. Платилъ онъ сотрудникамъ не больше и не меньше, чѣмъ въ другихъ провинціальныхъ изданіяхъ того времени. Расплачивался всегда самымъ аккуратнымъ образомъ и къ сотрудникамъ, пока они бывали ему нужны, относился неплохо. Правда, издатель онъ былъ расчетливый, даже скуповатый. Но вѣдь самая сущность издательскаго дѣла такова, что для нея требуется непремѣнная наличность расчетливости,—иначе грозитъ гибель всему предпріятію издательства. Разумѣется, тутъ важна степень этой расчетливости и степень издательской добросовѣстности. По-моему, издательская добросовѣстность скуповатаго Антоновича стояла внѣ сомнѣній. Газету онъ любилъ и велъ ее съ увлеченьемъ, заботясь сперва о себѣ, потомъ о сотрудникахъ. Впослѣдствіи, съ отъѣздомъ А. Я. въ Петербургъ на постъ товарища министра финансовъ (онъ вызвалъ за собою и редакціоннаго секретаря, Ивана Александровича), тиражъ газеты началъ стремительно падать. Тогда съ большей настойчивостью стали проявляться стремленія владѣльца «Кіевскаго Слова» сокращать газетные расходы, урѣзывать гонорары, отказываться отъ болѣе дорогихъ сотрудниковъ. Это былъ періодъ неустаннаго метанія для газеты. Она попадала то въ однѣ, то въ другія редакторскія руки, но ко всѣмъ не надолго и какъ бы случайно къ каждому изъ редакторовъ въ отдѣльности. Одно время во главѣ «Кіевскаго Слова» стояла группа мѣстныхъ прогрессивныхъ

профессоровъ, образовавшихъ редакціонный комитетъ, привлечшихъ въ сотрудники многихъ видныхъ литераторовъ. Потомъ это предприятие быстро распалось, газета то лѣвѣла, то правѣла, то не носила никакой опредѣленной фізіономіи, пока, наконецъ, не угасла окончательно, кажется, въ дни свободъ. Но эти колебанія въ жизни «Кіевского Слова» я знаю лишь по наслышкѣ и мнѣ трудно говорить о нихъ подробнѣе. А въ мое время, когда дѣла газеты шли хорошо, вознаграждались и сотрудники недурно. Мнѣ самой, при трехкопеечномъ построчномъ гонорарѣ, случалось вырабатывать по 300 — 400 рублей въ мѣсяцъ. И даже въ неурожайныя для мѣстной хроники полосы каждая двухнедѣльная получка моя (въ «Кіевскомъ Словѣ» расплата производилась два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го числа) бывала не менѣе 100 — 120 рублей. Неплохо вознаграждались и остальные сотрудники. Ихъ заработокъ (помимо полагавашагося инымъ изъ нихъ жалованья) колебался въ зависимости отъ количества поставляемаго ими оригинальнаго матеріала, и мнѣ не приходилось слышать ни отъ кого изъ нихъ жалобъ на эксплуатацію.

Иногда, когда я «зарывалась» въ своемъ репортерскомъ усердіи и двухнедѣльная получка моя подбиралась къ 250 — 260 руб., Антоновичъ приходилъ въ ужасъ, нарекалъ, жалуюсь, будто я «обобрала» «Кіевское Слово»... Послѣ того замѣтки мои нѣкоторое время «черкались» А. Я. на глазомѣръ и безудержно. Но затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, Антоновичъ, входя въ редакцію, ворчалъ недовольно:

— Хо-оро-ошая сегодня хроника въ «Кіевлянинѣ»! Есть о сервитутныхъ угодьяхъ, а у насъ нѣтъ. И о подготовленьяхъ Юго-западныхъ дорогъ къ волынскимъ маневрамъ... И о канализаціи... Интересная хроника въ «Кіевлянинѣ». А у насъ ничего нѣтъ.

Тогда я, со всею, доступной мнѣ, кротостью, скромно отвѣчала:

— Это все было бы и у насъ, Аѣиногенъ Яковлевичъ. И не сегодня, а еще третьяго дня. Но вы это вычеркнули. Признали неинтереснымъ.

Секретарь редакціи, Иванъ Александровичъ, подтверждалъ нелицепріятно справедливость моихъ словъ.

— Да-а! — ворчалъ, уже сдаваясь, ревнивый по отношенію къ «Кіевлянину» Антоновичъ, — небось, сами же... (онъ укоризненно взглядывалъ на меня) сами передали это кіевлянскимъ репортажамъ? Чтобъ допечь меня... Вотъ тебѣ! Чувствуй!

Вслѣдъ за тѣмъ онъ переставалъ нагонять экономію, и сообщенія мои опять начинали появляться въ свѣтъ въ нормальномъ объемѣ.

Чего не выносилъ Антоновичъ, какъ издатель, такъ это просьбы объ авансахъ. Онѣ портили ему настроеніе и равновѣсіе духа, вы-

зывали непріязненные чувства къ просителямъ. Но, дипломатичный и уклончивый, онъ никогда не отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ прямымъ отказомъ. Опуская глаза на свою табакерку, онъ обыкновенно говаривалъ:

— Да не знаю, право я... есть ли деньги въ кассѣ? Вы тамъ спросите у Данила Ивановича. Если есть, пусть дастъ.

— Но Данила Ивановичъ не дастъ безъ вашей записки.

— А, да... Ну, что жъ. Я сейчасъ напишу ордеръ.

Онъ писалъ на клочкѣ бумажки:

«Выдать такому-то, такую-то сумму авансомъ». И подписывался двумя буквами: А. А., при чемъ вторую букву заканчивалъ особымъ условнымъ, какъ у масоновъ, знакомъ: опредѣленнымъ «крючкомъ», означавшимъ: денегъ не выдавать ни въ какомъ случаѣ. Если сотрудникъ былъ свой, опытный, то онъ, взглянувъ на подпись съ «хвостикомъ», даже и не шелъ въ контору къ Данилѣ Ивановичу. А направлялся къ редакціонному секретарю, прося его исходатайствовать иной ордеръ безъ «хвостика». Сотрудникъ же, менѣе опытный, на эту удочку попадался. Идетъ онъ, полный надеждъ, къ Данилѣ Ивановичу. А Данило Ивановичъ К — ко быть безпредѣльно преданъ хозяйскимъ интересамъ. Вышедшій изъ наборщиковъ, способный и смысленный, себѣ на умѣ, хитрый, практичный и дѣловитый, К. управлялъ типографіей и завѣдывалъ конторой «Кіевского Слова». Былъ онъ юркій, лысоватый, маленький и розовый, съ толстымъ носомъ лепешкою, съ закругленными, какъ у птицы, сине-сѣрыми, довольно большими навыватѣ глазами. Онъ носилъ длинные, пушистые усы и небольшую бороду, всегда пріятно улыбался, но избѣгалъ глядѣть въ чужіе глаза, а глядѣлъ все какъ-то мимо своихъ собесѣдниковъ. Одѣвался чистенько и заботливо, стараясь быть во всемъ не хуже людей, даже импонировать своею внѣшностью. На кругломъ животѣ его позванивали навѣшенные на толстый цѣпи отъ часовъ массивные золотые брелоки. Шубы онъ носилъ дорогія, на мѣху, немногимъ похуже, чѣмъ у самого «Аѣиногена»...

Подаетъ наивный сотрудникъ Данилѣ Ивановичу ордеръ и говоритъ:

— Дайте-ка авансъ, Данило Ивановичъ. Вотъ: Аѣиногенъ вамъ написалъ...

Зоркій Данило Ивановичъ не беретъ и въ руки бумажки, если на ней есть роковой крючечекъ. Онъ вертится, позванивая брелоками, и самымъ непочтительнымъ образомъ принимается распекать отсутствующаго «Аѣиногена».

— Аѣиногенъ... Аѣиногенъ... что мнѣ вашъ Аѣиногенъ!? Будетъ еще онъ мнѣ писать тутъ... ерунду всякую! Гдѣ я вамъ возьму авансъ, когда у меня ни копейки денегъ? Онъ пишетъ, пусть онъ и даетъ. А я не могу: нѣтъ въ кассѣ денегъ. Не народить же мнѣ

ихъ для васъ. А на Авиногена мнѣ плевать! Еще чего онъ напишетъ? Не знаетъ уже, что выдумывать. Идите, жалуйтесь ему на меня... а я денегъ не дамъ. Нѣту.

Въ концѣ-концовъ такъ и остается сотрудникъ безъ аванса.

Зато, если «крючекъ» отсутствуетъ и на ордерѣ стоятъ двѣ цѣломудренно-кругленькія буквы: А. А. съ точками послѣ каждой, авансъ выдается съ молниеносной поспѣшностью. И Данило Ивановичъ — сама предупредительность, сама любезность, и брелоки его почтительно безмолвствуютъ, и голосъ у него, радушно-тихій, доброжелательно-товарищескій...

Отвращеніе А. Я. Антоновича къ выдачѣ авансовъ имѣло, впрочемъ, свои предѣлы. Мнѣ извѣстны случаи, когда онъ не только выдавалъ немалые авансы, но самъ предлагалъ ихъ, переставая скупиться. Я уже упоминала о широкомъ кредитѣ, открытомъ «Кіевскимъ Словомъ» на лѣченіе и похороны П. А. Андреевскаго. Положимъ, Андреевскій былъ въ редакціи видной фигурой, состоялъ на особомъ положеніи редакціоннаго любимца. Но случилось, что Антоновичъ охотно шелъ на помощь и другимъ, менѣе замѣтнымъ работникамъ прессы. При мнѣ у одного изъ корректоровъ «Кіевского Слова» К. внезапно скончалась жена. Не считаю себя вправѣ рассказывать объ этомъ эпизодѣ подробно, но положеніе К., оставшагося съ малолѣтнимъ сыномъ на рукахъ, и въ нравственномъ, и въ юридическомъ отношеніи было прямо трагическое. Не блестящи были, конечно, и матеріальныя средства К. Тогда конторой «Кіевского Слова» по распоряженію Антоновича выданъ былъ К. солидный авансъ. К. не скоро оправился отъ своего горя, но появившись въ редакціи, при первой же получкѣ денегъ спросилъ у Антоновича, въ какомъ размѣрѣ дѣлать вычеты изъ его корректорскаго жалованья для погашенія долга.

— А вы мнѣ отдайте этотъ долгъ единовременно, когда у васъ будетъ своя газета или такой домъ, какъ у меня, — постукивая пальцами по табакеркѣ, отвѣтилъ Антоновичъ.

Настойчиво и по собственной инициативѣ предлагалъ онъ авансъ и мнѣ, когда я серьезно захворала въ 1892 году. Кіевское свѣтило діагностики, покойный профессоръ Евг. Ив. Аванасьевъ, приговаривалъ тогда меня къ скорой гибели, заподозрѣвъ чахотку. И хотя ассистентъ Аванасьева, популярный въ Кіевѣ и понынѣ Оед. Рындовскій, ежедневно навѣщавшій меня, увѣрялъ, что «никакой чахотки нѣтъ, никогда не будетъ и быть не можетъ», а просто я переутомилась и оттого у меня кровохарканье, однако состояніе здоровья моего было скверное. Все время держалась рѣзко повышенная температура, упадокъ силъ прогрессировалъ. Д-ръ Рындовскій посылалъ меня хорошенько отдохнуть гдѣ-нибудь въ сосновомъ лѣсу при условіи полнаго покоя и усиленнаго питанія. Для меня сняли дачу среди сосноваго лѣса подѣ Кіевомъ, и въ

половинѣ мая я собиралась уѣхать. За нѣсколько дней до моего отъѣзда зашелъ ко мнѣ одинъ изъ сотрудниковъ «Кіевского Слова», Вас. Андр. П — къ, уполномоченный предложить «отъ имени Аѳиногена» авансъ въ размѣрѣ по моему усмотрѣнію.

— Аѳиногенъ такъ и сказалъ: «Пусть беретъ, сколько ей надо», — дословно передавалъ мнѣ П.

Я не успѣвала проживать мои крупные заработки, и деньги у меня были. Въ авансъ я не нуждалась. Но меня тревожило опасенье, какъ бы въ отсутствіи моемъ не замѣнили меня кѣмъ-нибудь новымъ и какъ бы этотъ «новый» не отрѣзалъ мнѣ потомъ пути къ возврату. Наканунѣ отъѣзда, улучивъ минуту нѣсколько лучшаго самочувствія, отправилась я въ редакцію, игнорируя свою повышенную температуру. Успокаивая мою ревность, меня увѣряли въ редакціи, что никого новаго не возьмутъ, ибо лѣтомъ въ хроникѣ всегда затишье, что моя работа будетъ распредѣлена между остальными сотрудниками. Какъ разъ въ это время появился Антоновичъ. Онъ радушно привѣтствовалъ меня, и опять самъ заговорилъ объ авансѣ. Я поблагодарила и отвѣтила, что аванса мнѣ не нужно.

— Вотъ чудеса-то! — посмѣиваясь, поражался онъ. — Сотрудникъ, который отказывается отъ аванса? Первый разъ въ жизни вижу. И вѣрно послѣдній тоже. Ему предлагаютъ: бери, сколько хочешь. А онъ говоритъ: не надо!

— А вдругъ я умру и не погашу аванса? — пошутила и я, въ свою очередь.

— На томъ свѣтѣ сочтемся, — благодушно протянулъ Антоновичъ. — Всѣ тамъ будемъ. Авось, встрѣтимся.

И принялся увѣрять меня, что я проживу еще очень долго, что онъ это «по глазамъ» моимъ видитъ.

Я еще разъ поблагодарила его за долгосрочный кредитъ, но аванса не взяла и заговорила снова о томъ, что погнало меня въ редакцію при повышенной температурѣ: чтобы меня не замѣняли никѣмъ, пока я поправляюсь. Антоновичъ сталъ галантно увѣрять, будто меня невозможно замѣнить, и далъ слово ждать, — хотя бы годъ цѣлый.

Слово онъ сдержалъ. Къ осени я вернулась на свой постъ значительно поздоровѣвшей.

А. Я. Антоновичу не разъ ставили въ вину, что съ тѣми изъ сотрудниковъ, которые становились бесполезными или уже непригодными, онъ разставался съ легкимъ сердцемъ, безъ всякой сентиментальности, «какъ съ ненужной вещью». Это иногда случалось, но можно ли за это обвинять какого бы то ни было издателя? Антоновичъ по отношенію къ нѣкоторымъ изъ своихъ сотрудниковъ былъ заботливъ, хорошо и то...

Вообще о немъ, объ его личныхъ качествахъ говорили хуже, чѣмъ онъ того заслуживалъ. Причиной этого была, между прочимъ,

присущая ему (какъ и многимъ инымъ малороссамъ) склонность рисовать себя въ невыгодномъ для себя же свѣтѣ. Дѣлается это не то въ видѣ остроумной выходки, не то изъ желанія убѣдиться, какого мнѣнія о говорящемъ его собесѣдники. Можетъ-быть, тутъ играютъ роль еще какія-нибудь, болѣе глубокія и менѣе сознательныя психическія побужденія, но это встрѣчается нерѣдко, а среди малороссовъ — часто. Злоупотреблялъ этимъ и Антоновичъ. Иногда даже непріятно за него бывало, когда онъ при комъ-нибудь пришломъ начиналъ толковать, бравируя своимъ цинизмомъ:

— Рубль, и только рубль, — вотъ основа всѣхъ человѣческихъ поступковъ, всякой добродѣтели. Все можно купить, и все продается. Надо только угадать и предложить надлежащую цѣну...

И прочее на тѣ же мотивы.

А когда посѣтителъ, разговаривавшій съ нимъ, уходилъ изъ редакціи, Антоновичъ пренебрежительно замѣчалъ, открывая табакерку:

— Н. теперь пойдетъ и скажетъ: вотъ-то прохвостъ Аѣиногенъ! А прохвостъ онъ самъ. И не узнаетъ себя, какъ мартышка въ зеркалѣ. Не понимаетъ, что я излагалъ ему его же кредо!

Въ редакціи Антоновичъ любилъ рассказывать о своей убогой юности, о «бурсацкихъ», семинарскихъ и студенческихъ временахъ своей жизни, когда онъ остро нуждался и обѣдать могъ не каждый день, а два-три раза въ недѣлю. Помню его рассказъ, какъ онъ, полуголодный и въ лѣтнемъ «дряньненькомъ» пальтишкѣ, сидѣлъ въ холодный день у Золотыхъ воротъ, мечтая, какъ бы хорошо было теперь взять и пообѣдать!..

— И думалъ ли я, — не безъ торжественности заканчивалъ онъ, — что противъ этихъ же Золотыхъ воротъ воздвигну этакій, какъ мой, домище?!

На улицу онъ выходилъ, демонстрируя свое издательское благополучіе, въ дорогихъ мѣхахъ, въ шубѣ, сшитой наподобіе священнической, въ бобровой не то боярской, не то поповской шапкѣ и съ высокимъ «посохомъ», у котораго былъ серебряный набалдачникъ, совсѣмъ по образцу пастырскихъ посоховъ, какіе бываютъ у священниковъ.

А. Я. былъ примѣрный семьянинъ. Въ театрахъ, общественныхъ мѣстахъ и на прогулкахъ онъ появлялся не иначе, какъ съ женою. И когда шли они по кievскимъ улицамъ, оба еще молодые, дородно-крупные и цвѣтушіе здоровьемъ, въ цѣнныхъ мѣхахъ на пышныхъ фигурахъ, кievляне увѣряли, что, глядя на нихъ, такъ и хочется сказать:

— Вонъ молодые батюшка съ матушкой вышли прогуляться. Вѣрно изъ Софійскаго собора.

А. Я. (происходившему изъ «духовной» семьи) нравилось это сходство. Онъ подчеркивалъ его и посохами, и шляпами, и фасо-

нами своихъ шубъ. Съ удовольствіемъ вспоминалъ онъ, какъ гдѣ-то на вокзалѣ бросилась къ нему «подъ благословіе» какая-то набожная баба — «Батюшка! благослови!»

— И что же вы тогда? — спрашивали у А. Я.

— Да что? Я благословилъ... Богъ съ нею. Только руки поцѣловать не далъ.

Внушительно принаряженный на людяхъ, А. Я. ходилъ у себя дома полураздѣтымъ, въ старомъ и изношенномъ, чуть ли не бурсацкомъ своемъ лѣтнемъ пальтишкѣ, еле налѣзавшемъ на его располнѣвшія плечи. Порой одѣвался и того откровеннѣй. Случалось, войдя въ редакцію и завидѣвъ меня, онъ вдругъ начиналъ запахиваться и прикрываться, принимая позы классическихъ венеръ... Стѣсняла я его и въ отношеніи свободы слова. А. Я. любилъ употреблять крѣпкія словечки. Бывало, повѣствуютъ ему о какомъ-либо возмутительномъ поступкѣ того или другого изъ кievскихъ гражданъ. Онъ слушаетъ сперва спокойно, невозмутимо понюхивая изъ своей табакерки. Потомъ возмущенье въ немъ нарастаетъ и нарастаетъ и, наконецъ, онъ раздражается началомъ краснорѣчивой тирады:

— А-ахъ! С-с-с-с... у-у-у-у!..

И вдругъ умолкаетъ, обративъ мимолетный взоръ въ мою сторону. А затѣмъ послѣ продленнаго снова звука: с-с-с... произносить не то, что хотѣлъ сказать первоначально, а болѣе корректное:

— ...с-скотина!!

Всѣ его рассказы о своемъ прошломъ пропитаны были образнымъ, чисто-хохлацкимъ юморомъ. Занятно вспоминалъ онъ о первой встрѣчѣ съ Сергѣемъ Юльевичемъ Витте.

— ...Витте тогда, — эпически начиналъ Антоновичъ, — управляющимъ Юго-Западныхъ дорогъ былъ, и книжку свою писалъ О желѣзнодорожныхъ тарифахъ. Рѣшилъ онъ поговорить по поводу книжки со мною, какъ съ профессоромъ политической экономіи. До тѣхъ поръ знакомы мы не были. Я уже издавалъ «Кіевское Слово», но редакція помѣщалась еще въ старомъ нашемъ домѣ. Въ Кудрявскомъ переулкѣ. Вотъ какъ-то въ жаркое время, когда я сидѣлъ въ кабинетѣ, и былъ такъ... «только слава», что одѣтъ, раздается стукъ въ дверь. И входитъ Витте.

Въ хорошемъ сюртукѣ, съ первымъ визитомъ. Я, понятно, бросаюсь къ одѣянію. Витте останавливаетъ меня и говоритъ:

— Нѣтъ, знаете... не надо. А чтобы вы себя удобнѣй чувствовали, лучше я сюртукъ сниму.

Раздѣлся, и потекла тутъ у насъ бесѣда. И объ трудѣ его, и о «Кіевскомъ Словѣ», и о многомъ... о чемъ мы тогда не переговорили. Умный человѣкъ... съ такимъ и поговорить пріятно.

Возникшая послѣ этой встрѣчи близость А. Я. съ С. Ю. Витте породила въ Кіевѣ легенду, будто Юго-Западные дороги субсиди-

ровали «Кіевское Слово». Отъ многихъ, казалось бы, достовѣрно, освѣдомленныхъ лицъ слышала я, что это неправда. Самъ Антоновичъ то же категорически опровергалъ этотъ слухъ, многократно повторяя:

— То была брехня. И теперь, если говорятъ, то брешутъ. Никакой субсидіи не было. Но на станціяхъ всюду по линіямъ, по приказу Витте, развѣшаны были плакаты о подпискѣ на «Кіевское Слово». И подписка принималась во всѣхъ желѣзнодорожныхъ конторахъ по Юго-Западнымъ дорогамъ. Отсюда и пошла брехня о субсидіи.

Охотно вспоминалъ А. Я., какъ «ни съ чѣмъ» начиналъ онъ изданіе газеты, и какъ потомъ повезло ему въ этомъ дѣлѣ.

— Ото жъ, какъ не стало «Зари», надумалъ я издавать вмѣсто нея свою газету. Денегъ у меня не было. И заключилъ я тутъ договоръ съ типографіей Кульженка. Чтобы Кульженко печаталъ мнѣ газету, а за то принималъ подписныя суммы и доходъ съ объявленій. До тѣхъ поръ, пока не погасить своихъ расходовъ по изданію «Кіевского Слова». Въ обезпеченіе же Кульженка, если бы не хватило доходовъ съ газеты, я отдавалъ ему въ залогъ старый домъ нашъ въ Кудрявскомъ переулкѣ (кажется, домъ этотъ А. Я. получилъ въ приданое за женою, дочерью священника Софійскаго собора, Богданова), а на случай, если бы истощился у Кульженка весь мой кредитъ, я обязывался прекратить дальнѣйшее изданіе газеты. Однако кредитъ не только не истощился, но къ концу перваго года получился большой плюсъ. Съ Кульженкой я поquitался полностью и перевелъ контору къ себѣ въ домъ. А тамъ и пошло, и пошло... Не успѣлъ оглянуться, а у меня уже и типографія своя, и не домина, а настоящій дворецъ Николаевъ мнѣ противъ Золотыхъ воротъ строить. И подписчикъ ко мнѣ валить, и объявленія... и все, въ добрый часъ сказать, у меня, какъ по маслу.

Сергѣя Юльевича Витте я въ Кіевѣ не застала. Онъ уже начиналъ свою карьеру въ Петербургѣ въ должности директора департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ министерства финансовъ. Антоновичъ относился къ нему, повидимому, съ большими симпатіями и постоянно предсказывалъ:

— О, этотъ человѣкъ далеко пойдетъ. Попомните тогда мое слово. Во-первыхъ, голова. Умный онъ... Во-вторыхъ, кіевлянинъ... почти кіевлянинъ, что онъ тамъ въ своей Одессѣ безъ году недѣлю мальчикомъ жилъ! Какой изъ него одесситъ? Онъ— кіевлянинъ, а кіевлянамъ везетъ въ Петербургѣ. Возьмите Бунге, Вышнеградскаго... все изъ Кіева? Кіевлянамъ не можетъ тамъ не везти. Во-первыхъ, кіевляне — народъ толковый и дѣльный. Во-вторыхъ, знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. Кіевлянина не проведешь, онъ самъ проведетъ кого угодно... А Витте далеко пойдетъ. Вспомните мое слово.

А. Я. былъ патріотомъ города Кіева. По временамъ онъ начиналъ носиться съ идеей перенесенія въ «стольный градъ» Кіевъ столицы Россійской имперіи и писалъ, разрабатывая этотъ вопросъ, горячія утопическія статьи. Но еще больше развитъ былъ у него патріотизмъ Волынской губерніи, откуда онъ происходилъ родомъ. Стоило заговорить съ нимъ о Волыни, и его лицо преображалось, блестѣли глаза, на губахъ появлялась умиленная улыбка. Эту его слабость къ роднымъ мѣстамъ эксплуатировали кіевскіе беллетристы, у которыхъ по какой-то странной случайности дѣйствіе очень часто происходило «на Волыни». И никогда не хватало у А. Я. силы воли забраковать даже наиболѣе слабый рассказъ, если только онъ былъ написанъ на волынскомъ фонѣ. Если чье-либо произведеніе начиналось словами: «Хороша и привольно наша Во-лынь»—автору можно было предсказать въ «Кіевскомъ Словѣ» успѣхъ, не читая рукописи дальше. Тутъ сказывалась въ А. Я. сентиментальная привязанность малоросса къ своему родному уголку, къ «риднему» краю, всегда опозитизированному и пріукрашенному въ воображеніи украинца. Рѣзко проявлялась въ А. Я. и еще одна специфически-малорусская черта—непреоборимое упрямство. Если онъ, бывало, заупрямится на чемъ-нибудь, — конечно, уже не отступитъ отъ своего. Упрямство его одинаково упорно распространялось на серьезное и на мелочное, порой доходило до комизма. Онъ, напримѣръ, не захотѣлъ признать моего брака, когда я вышла замужъ, спустя немногимъ больше года послѣ пріѣзда моего въ Кіевъ. Должно-быть, потому, что замужество мое было своевольное, совершенное даже безъ оповѣщенія редакціи о предстоящемъ событіи, — но А. Я., узнавъ о немъ, упрямо продолжалъ называть меня «барышней». И если приходилось ему знакомить меня съ кѣмъ-нибудь въ редакціи, онъ неуклонно называлъ мою дѣвическую фамилію. Когда же у него, указывая на моего мужа, спрашивали: «А что это за молодой человѣкъ у васъ въ редакціи?» Онъ отвѣчалъ, хмурясь: «Да это такъ.. тутъ одинъ... Студентъ одинъ, медикъ... Будущій докторъ. И сотрудничаетъ у насъ,—пока ничего, сотрудникъ усердный». И только при повторныхъ разспросахъ, наконецъ, пояснялъ немножко недовольно: «Да это... ну, — мужъ нашей барышни».

Въ личныхъ или дѣловыхъ сношеніяхъ съ людьми Антоновичъ, какъ и А. С. Суворинъ, отличался широкой терпимостью. Какъ у Суворина, у него работали въ «Кіевскомъ Словѣ» люди всякихъ національностей, взглядовъ и убѣжденій. Въ этомъ отношеніи для него не было ни эллина, ни іудея, были только сотрудники, — плохіе, хорошіе или средніе, полезные или безразличные для газеты. Объ одномъ изъ нихъ, — типичномъ полякѣ—«короняжѣ», уроженцѣ Царства польскаго изъ-подъ самой Варшавы, — Антоновичъ говорилъ съ олимпійскимъ безпристрастьемъ:

— Не то бѣда, что онъ полякъ. Что не говоритъ, а поетъ съ наиваршавскимъ, «прошенъ паньство, акцентэмъ»... Полякъ—такъ полякъ. И если окажется завзятый полякъ, — не важно тоже. «Лицо, несомнѣнно, польскаго происхожденія» меня въ редакціи не пугаетъ. Пусть онъ себѣ думаетъ: «Еще Польша не згинела», «Вивать Полонія!» и все такое. То—его право. Мнѣ-то что? Пусть, въ случаѣ повстанія, начнетъ «утекать за ойчизну до лясу», — и это меня не касается. Я бы, можетъ-быть, и самъ на его мѣстѣ «утекалъ»... Это все ничего... пустое. Но зачѣмъ онъ думаетъ по-польски?! Думаетъ по-польски, а пишетъ по-русски. Слогъ у него хромаетъ. Полонизмы... вотъ что плохо. Научите его, господа, думать по-русски, если онъ хочетъ работать въ «Кіевскомъ Словѣ». Не въ цѣляхъ обрусенія... Господь съ нимъ! къ чему онъ Россіи? Пускай себѣ остается «короняжемъ». Но пусть пишетъ правильно по-русски. Отучите его отъ полонизмовъ.

Сотрудниковъ «Кіевскаго Слова» Антоновичъ стойко защищалъ, если возникали нападки на нихъ въ прессѣ. Это, между прочимъ, пришлось испытать и мнѣ, и въ значительной степени. Въ 1890 и 91-мъ годахъ нѣкоторые столичныя, а за ними и провинціальныя газеты вдругъ занялись моею особою, вѣроятно, вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было темъ въ разгарѣ лѣтняго сезона. Началось это съ «Гражданина». Въ органѣ князя В. П. Мещерскаго (выходившемъ тогда въ большомъ форматѣ и ежедневно) появилась длинная (болѣе газетнаго столбца) замѣтка, озаглавленная: «Въ кіевскомъ газетномъ мірѣ». Замѣтка носила весьма игристый и оскорбительный для меня характеръ. Въ ней сообщали, что «завелась» въ Кіевѣ «молоденькая дама», «къ счастью не жидовка, а русская», которая занялась репортерствомъ. Дальше, щедро расточая преувеличенные комплименты моему «веселому нраву» и моей внѣшности, авторъ статьи нагромоздилъ кучу сообщеній очень пикантнаго свойства. «Разумѣется, — повѣствоваль «Гражданинъ», — что, выступивши съ вышеперечисленными качествами на репортерское поприще, она сразу пріобрѣла массу друзей и поклонниковъ, при чемъ поспѣшила вступить въ болѣе тѣсную дружбу съ сильными кіевского міра. И—Боже мой!—сколько всевозможныхъ курьезовъ произошло въ кіевскихъ учрежденіяхъ съ тѣхъ поръ, какъ на мѣстныхъ горизонтахъ появилась «единственная!» Тутъ же приводились образчики «курьезовъ», рѣшительно несовпадающіе съ дѣйствительностью. «Кіевское Слово» отвѣтило тогда «Гражданину» достаточно рѣзкой отвѣдью, напечатавши слѣдующую замѣтку.

Изъ нравовъ столичной печати.

Князь В. П. Мещерскій, издающій «Гражданинъ» и, какъ пишется на каждомъ номерѣ, редактирующій его, очевидно, любитъ устраивать для себя неожиданные сюрпризы. Онъ дѣлаетъ это очень просто: не читаетъ собствен-

ной газеты до тѣхъ поръ, пока добрые люди не обратятъ его вниманія на какую-нибудь возмутительную выходку «Гражданина». Тогда онъ извиняется, кричитъ: «Меа culpa, mea maxima culpa!», сознается, что самъ не читалъ якобы редактируемой имъ газеты, и продолжаетъ дѣйствовать по старому до новаго случая. Иначе какъ *такого* рода любовью къ сюрпризамъ нельзя объяснить появленія въ № 204 «Гражд.» статьи подъ заглавіемъ «Въ кievскомъ газетномъ мірѣ». Ни одна порядочная газета, навѣрно, не рѣшилась бы помѣстить на своихъ столбцахъ такой грязной клеветы на женщину за то, что она трудится «въ газетномъ мірѣ», доставляя свѣдѣнія изъ мѣстной хроники. Авторъ, постыдившійся подписать свою статью, говоритъ о «женѣ Пентефріа и нецѣломудренныхъ Іосифахъ», о «нѣжныхъ взглядахъ» и многомъ другомъ изъ той же нечистоплотной области сплетенъ и пересудовъ, и еще имѣетъ смѣлость разсуждать о томъ, кому подвѣдомственны попавшіеся недавно въ Петербургъ «газетные репортеры-шантажисты: суду, полиціи или редакторской расправѣ!» Отмѣчая этотъ любопытный нравъ петербургской печати, предлагаемъ князю В. П. Мещерскому хотя теперь прочитать 204 № «Гражданина» и поручаемъ его «редакторской расправѣ» корреспондента-шантажиста, автора упомянутой статьи.

Помимо того мобилизованы были на мою защиту и фельетонисты «Кievскаго Слова». Но дѣло «Гражданина» было сдѣлано, и пикантная вѣсть о кievской «репортершѣ» покатила по столичнымъ и провинціальнымъ органамъ прессы, попала даже въ сибирскія изданія. Подхватили, конечно, номеръ своего репертуара «Стрекоза» и «Будильникъ». Въ «Будильникѣ» на «Провинціальной страницѣ» появились карикатуры, изображающія (не безъ отдаленнаго сходства) мою фигуру съ огромнымъ, остро-отточеннымъ гусинымъ перомъ въ рукѣ и пронзенныхъ подписчиковъ, повисшихъ на перѣ въ смѣшныхъ позахъ. Тутъ же, на картинкѣ рядомъ изображалась репортерша въ кабинетѣ дѣльца и ревнивая жена дѣльца, врывающаяся въ комнату со словами: «Знаю я ваши свѣдѣнія! Извольте сейчасъ во всемъ признаваться!» «Стрекоза» въ отдѣлѣ «Цвѣты и ягоды прогресса» (писалъ г. Буква) рекомендовала «Кievлянину» «пригласить для репортерскаго отдѣла молоденькую же брюнетку» и такимъ образомъ «сбить съ ногъ своего избобрѣтательнаго противника и соперника», т.-е. «Кievское Слово». Въ харьковскомъ «Южномъ Краѣ» фельетонистъ Шпилька воспѣвалъ кievскую «репортершу» въ своихъ стихахъ... А нынѣшній «король фельетонистовъ», В. М. Дорошевичъ, работавшій тогда въ московской газетѣ «Новости Дня» и уже обратившій на себя общее вниманіе своими талантливыми отрывочными строчками, посвятилъ мнѣ особый фельетонъ. Не видя меня въ глаза и повѣривъ «Гражданину» на слово, г. Дорошевичъ пересыпалъ свои строки неистовыми комплиментами моей внѣшности.

«Сударыни! Сударыни! Сударыни!—писалъ г. Дорошевичъ, разрывая строчки и фразы:—...блондинка, живущая въ Кievѣ, открыла для васъ цѣлую Америку. Новая область женскаго труда, женщина будетъ здѣсь незамѣнима, внѣ конкуренціи! Слушайте! Слушайте! Слушайте!

...Кievская блондинка рѣшила запыться убійствами, грабежами, кражами, утопіями молодыхъ дѣвушекъ и упадками съ крышъ рабочихъ. Она репор-

теръ, и репортеръ прекрасный. Она достаетъ пропасть извѣстій. Еще бы!.. Женщина создана быть репортеромъ! Узнавать чужіе секреты и рассказывать ихъ всѣмъ. Кто сумѣетъ сдѣлать это лучше женщины? Какое другое занятіе женщинѣ больше по душѣ? Репортеръ обязанъ вездѣ проникать. Кто затворитъ двери передъ женщиной? Репортеръ обязанъ «все узнавать». Кто лучше женщины сумѣетъ вызвать на откровенность? Бѣднаго репортерчика затирають, съ нимъ нелюбезны. Хорошенькую дамочку всюду и вездѣ посаждать на первое мѣсто, ей все расскажутъ и все покажутъ. Визитъ репортера! Что можетъ быть ужаснѣе визита репортера? Визитъ репортерши!!! Сударыня, да чело-вѣкъ нарочно какое-нибудь происшествіе сдѣлаетъ, чтобъ васъ лишній разъ увидеть! Самъ глава московскихъ репортеровъ (намекъ на убитаго впоследствии московскаго городского голову, — Алексѣева, который незадолго передъ тѣмъ властительно удалилъ представителей печати изъ какого-то засѣданія), — и тотъ не сказать бы дамѣ: «Сударыня, поторопитесь уйти!» И какъ это облагородитъ репортерское званіе. Репортеръ, отъ котораго пахнутъ духами, репортеръ безусловно трезвый, репортеръ, за которымъ ухаживають, репортеръ, которому цѣлуютъ ручки! Пресса! О, моя мать! мечтала ли ты, чтобы твоимъ представителямъ цѣловали руки! Куда не проникаетъ репортеръ, туда проникнетъ репортерша. Репортеры болѣе не существуютъ. Да здравствуетъ репортерша!...

Одновременно съ назначеніемъ С. Ю. Витте (въ началѣ 1892 года) управляющимъ министерствомъ путей сообщенія, кіевляне, обращаясь ко мнѣ, стали повторять, точно сговорившись:

— Ну! Теперь и Аѳиногенъ вашъ не усидитъ долго въ Кіевѣ. Перетащить его Витте.

Антоновичъ такіа предположенія опровергалъ, но успѣхомъ С. Ю. Витте гордился, какъ собственнымъ, и ликовалъ, сіяя:

— А что? Не говорилъ я вамъ? Я же вамъ говорилъ! Вотъ уже министръ. И это еще не все. «Еще не вечеръ» — какъ говорится. Витте дальше пойдетъ. Дальше, дальше... попомните мое слово. Кіевлянамъ везетъ въ Петербургѣ.

Дѣйствительно, въ сентябрѣ того же года, — послѣ внезапнаго паденія Вышнеградскаго, — С. Ю. Витте снова вернулся въ финансовое вѣдомство и вступилъ въ управленіе министерствомъ финансовъ.

Городскіе слухи о предстоящемъ уходѣ изъ Кіева «Аѳиногена» становились ярче и опредѣленнѣй, а самъ Аѳиногенъ Яковлевичъ не переставалъ пророчествовать о Витте:

— И дальше пойдетъ... Еще дальше. Вотъ увидите.

Теперь Антоновичъ сдѣлался болѣе нервнымъ и разсѣяннымъ, ходилъ, точно чело-вѣкъ, переполненный какими-то колебаньями, небрежнѣе относился къ лекціямъ своимъ въ университетѣ, охладѣвалъ къ редакторскимъ обязанностямъ. Такъ прошла зима, а въ концѣ мая слѣдующаго года въ телеграммахъ «Кіевскаго Слова» появилось строго-официальное сообщеніе телеграфнаго агентства изъ Петербурга: «Ординарный профессоръ университета Св. Владимира, докторъ политической экономіи и статистики, Аѳиногенъ Антоновичъ, назначенъ товарищемъ министра финансовъ». Въ Кіевѣ

назначеніе произвело потрясающую сенсацію: ухода «Аѣиногена» ждали, но не на такой высокой постѣ. «Кіевское Слово» объективно оповѣстило объ этомъ своихъ читателей агентской телеграммой, не прибавивъ къ ней отъ себя ни слова.

Помню, что въ тотъ же день остроязычный Оттонъ Оомичъ Глинка, — недавно скончавшійся польскій литераторъ, игравшій значительную роль въ кіевскомъ польскомъ обществѣ, кіевскій корреспондентъ польскихъ газетъ и, между прочимъ, большой мой пріятель, — говорилъ мнѣ въ управленіи Юго-Западныхъ дорогъ, когда я зашла къ нему въ кабинетъ коммерческихъ агентовъ (Глинка въ то время служилъ однимъ изъ коммерческихъ агентовъ) за обычными свѣдѣніями для газеты:

— Вотъ-то вашъ Аѣиногенъ задеретъ теперь носъ! И станетъ прославлять себя въ своей же газетѣ. Завтра тиснетъ собственную передовицу на тему: «вотъ како-ой я человѣкъ». Весь номеръ будетъ имъ наполненъ.

Ожиданія Глинки оказались ошибочными. Антоновичъ тактично промолчалъ о своемъ преуспѣяніи. На утро передовица «Кіевского Слова» начиналась фразой: «Событіе дня во Франціи — безспорно тулузская рѣчь Констана». Дальше въ текстѣ шли сообщенія Фигаро о Клемансо и Фрейсине, о жителяхъ Тулузы и о французахъ вообще. Потомъ въ мѣстной хроникѣ о санитарномъ осмотрѣ «Прозоровской и Обсерваторной свалокъ навоза», о засѣданіи славянскаго благотворительнаго общества, объ утонувшемъ переселенцѣ, о состояніи погоды, объ инфлуэнцѣ въ Кіевѣ... И — ни звука о новомъ товарищѣ министра финансовъ. Редакторская подпись Антоновича исчезла со столбцовъ газеты, но «Кіевское Слово» продолжало молчать о своемъ недавнемъ редакторѣ. Оно лишь потомъ, значительно позже, — черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Антоновича въ Петербургъ, — перепечатало изъ другихъ газетъ рядъ отзывовъ и комментарій по случаю «нежданнаго» назначенія «профессора кіевского университета» А. Я. Антоновича.

Интересны были эти газетные отклики. Назначеніе, конечно, привѣтствовалось. «Новое Время» называло Антоновича «разночинецмъ» и доказывало, что разночинцамъ надобно давать широкую дорогу, если они заслуживаютъ того по своимъ качествамъ и дарованьямъ. Все равно-де, равно или поздно, но разночинецъ укрѣпится на верхахъ общественной лѣстницы, куда его усиленно стараются не пускать. Прежде, говорило «Новое Время», быть сановникомъ, вельможей—значило по преимуществу быть важнымъ бариномъ. Теперь быть сановникомъ — значитъ прежде всего быть работникомъ. Мало одной важности, даже совѣмъ безъ нея можно обойтись. Зато совершенно необходимы: знанія, таланты, трудолюбіе, т.-е. именно то самое, что и выдвигаетъ теперь «разночинца». Князь В. П. Мещерскій, сообщившій въ «Гражданинѣ», что «свѣт-

скія кумушки» никакъ не предвидѣли и не учитывали назначенія Антоновича, говорилъ: «Способные люди берутся тамъ, гдѣ они обрѣтаются». А «Петербургскія Вѣдомости» къ титулу Кіева «мать городовъ русскихъ» добавляли: «и мать русскихъ финансистовъ».

Персоналъ работниковъ «Кіевского Слова» въ полномъ своемъ составѣ провожалъ А. Я. Антоновича на вокзалъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Ему, какъ лицу уже высокаго ранга, предоставленъ былъ отдѣльный вагонъ въ курьерскомъ поѣздѣ. На вокзалѣ присутствовали высшіе чины полиціи, въ томъ числѣ полицмейстеръ Живоглядовъ, еще недавно враждовавшій съ «Кіевскимъ Словомъ», упразднившій въ городской полиціи выдачу этой газетѣ свѣдѣній о полицейскихъ происшествіяхъ. «Кіевское Слово» какъ бы перестало существовать для Живоглядова. И изъ-за этого мнѣ пришлось заводить непосредственныя сношенія съ многими городскими и съ извѣстнымъ въ Кіевѣ сторожемъ анатомическаго театра, — престарѣлымъ «Михалкой», — воспитавшемъ не одно поколѣніе кіевскихъ врачей въ области анатоміи... Теперь Живоглядовъ стоялъ у вагона «господина товарища министра» навтыжку, съ окаменѣлымъ, какъ у статуи, лицомъ, переполненный почтеніемъ и готовностью оберегать и защищать хотя бы собственной грудью, если бы понадобилось. Въ проводахъ принимали участіе представители кредитныхъ учрежденій Кіева, явился кое-кто изъ думскихъ гласныхъ, нѣсколько профессоровъ...

Женѣ и дочерямъ А. Я. были поднесены букеты цвѣтовъ, все честь-честью. Однако виновникъ этихъ почестей не выглядѣлъ триумфаторомъ. Онъ какъ-то недоумѣнно оглядывался по сторонамъ, словно удивляясь и не понимая, что же это такое на него свалилось? Повидимому, его пугала столь коренная перемѣна жизни и жаль было ему покидать Кіевъ, гдѣ такъ много удалось достигнуть въ теченіе совсѣмъ короткаго срока. Но и манилъ къ себѣ Петербургъ возможностью новыхъ, болѣе грандіозныхъ достижений. Въ пыльный іюньскій, еще непотемнѣвшій вечеръ загромыхалъ у кіевского перрона курьерскій поѣздъ, мелькнули въ открытыхъ окнахъ вагона яркіе букеты дамъ, потомъ поблѣднѣвшее лицо Антоновича, и поѣздъ умчался.

Тогда завѣдующій конторой «Кіевского Слова» К., — вдоль и поперекъ изучившій «Аѳиногена» и по-своему ему преданный, — вздохнулъ съ растроганностью и меланхолическимъ сожалѣніемъ.

— Ну, вотъ... и проводили! — тихо произнесъ онъ, а затѣмъ, выдержавъ паузу, съ опаской добавилъ: — Только надолго ли? Удержится ли онъ тамъ, — такой упрямый? Тамъ, небось, другихъ надо слушаться?.. а ему, если что втемяшится въ голову, — коломъ не выбьешь!

К. былъ правъ: въ Петербургѣ Антоновичъ не «удержался». Спустя нѣкоторое время, онъ не поладилъ съ С. Ю. Витте. Когда

состоялась его отставка (съ возвратомъ въ вѣдомство министерства народного просвѣщенія и съ зачисленіемъ въ члены совѣта при этомъ министерствѣ), онъ прожилъ послѣ того нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, а затѣмъ приобрѣлъ имѣніе въ Юго-Западномъ краѣ и поселился въ деревнѣ. Послѣ его возвращенія мнѣ не пришлось съ нимъ встрѣтиться. Но въ концѣ 1898 года онъ уполномочилъ тогдашняго помощника редактора «Кіевскаго Слова»,—С. В. Миркина-Гицевича,—передать мнѣ нѣсколько словъ. Тогда я хотѣла испробовать свои силы въ беллетристикѣ и, въ видѣ опыта, отослала черезъ третье лицо въ «Кіевское Слово» рассказъ «Больничная идиллія». Мнѣ не хотѣлось, чтобы въ Кіевѣ знали, что рассказъ принадлежитъ мнѣ. И я сказала подателю рукописи, будто больничная идиллія написана моей младшей сестрой. Вмѣстѣ съ сестрой придумали мы неблагозвучный псевдонимъ: Ольнемъ, получившійся отъ сліянія начальныхъ слоговъ ея имени и фамиліи воедино, оставили и ея инициалы: О. Н... Редактировалъ въ то время «Кіевское Слово» Емельянъ Игнатьевичъ Игнатьевъ, молодой педагогъ, впоследствии петербургскій литераторъ, авторъ беллетристическаго сборника «Безъ руля и безъ вѣтриль», а также книги: «Въ царствѣ смекалки» и другихъ педагогическихъ пособій. О «Больничной идилліи» онъ далъ лестный отзывъ. Рассказъ вскорѣ былъ напечатанъ, и я получила за него гонораръ для передачи моей сестрѣ. Встрѣчается потомъ со мной С. В. Миркинъ-Гицевичъ и, оживленно жестикулируя, начинаетъ рассказывать: «А тутъ, знаете ли, на этихъ дняхъ пріѣзжалъ Аѣиногенъ. И спрашиваетъ: «А кто это такой — Ольнемъ?» Я ему говорю: «Сестра Варвары Николаевны»... а онъ такъ и замахалъ руками: «Какая тамъ — сестра! Не сестра, а она сама. Меня не проведетъ. Скажите ей, что ея маскарадъ не удался... Что я узналъ ее тотчасъ». При этомъ Миркинъ сообщил о желаніи Антоновича увидѣть въ «Кіевскомъ Словѣ» и другіе мои рассказы, но прибавилъ: «Только Аѣиногенъ просилъ — не длинные. Передайте, — говоритъ, — ей, что теперь «Кіевское Слово» обѣднѣло и не въ состояніи платить такіе гонорары, къ какимъ она когда-то у насъ привыкла»...

Хочется еще рассказать о разныхъ событіяхъ той эпохи въ Кіевѣ, а также о многихъ кіевлянахъ, съ которыми мнѣ, какъ репортеру, — доводилось часто сталкиваться. Но тутъ у меня до такой степени перегружена матеріалами память, передо мной плыветъ и плыветъ такое количество разнovidныхъ фигуръ и событийъ, что я теряюсь среди нихъ, не зная, на комъ и на чемъ остановиться. На моихъ глазахъ начался и быстро пошелъ впередъ стремительный ростъ города Кіева, который продолжается и сейчасъ чѣмъ дальше, тѣмъ интенсивнѣй. При мнѣ Кіевъ обзавелся электрическими трамваями, изрѣзавшими и опоясавшими городъ во всѣхъ направленіяхъ.

Канализація, электрическое освѣщеніе, артезіанская вода въ водопроводахъ, новыя мостовыя и прочія культурныя блага Кіева зародились и были осуществлены на моихъ глазахъ и мнѣ поневолѣ приходилось внимательно слѣдить за исторіей развитія этихъ предприятий. Сгорѣлъ старый оперный театръ (гдѣ подвизались еще Лавровская, Кадмина и Пускова) и выстроень новый, открытъ бактериологическій институтъ, новыя больницы, политехникумъ, расширена и переведена въ новое зданіе публичная библіотека, воздвигнуты музеи, открыты иныя просвѣтительныя учрежденія. Сколько юбилеевъ, чествованій, освященій и закладокъ, крупныхъ судебныхъ процессовъ, научныхъ и промышленныхъ съѣздовъ... А вокругъ нихъ — люди и эпизоды, эпизоды и люди, то водевили и фарсы жизни, то драмы и трагедіи. Сколько видныхъ кіевлянъ сошло при мнѣ въ могилы, сколько появилось новыхъ фигуръ на кіевскихъ горизонтахъ... И когда изъ всего этого надо выбрать вкратцѣ самое интересное или самое значительное, — невольно останавливаешься, какъ въ тупикѣ, среди десятковъ разбѣгающихся во всѣ стороны дорогъ и тропинокъ къ прошлому. Тогда ужъ лучше задержаться на первомъ, болѣе или менѣе интересномъ событіи, какое случайно всплыветъ въ памяти. Вспоминаю, напри-мѣръ, пріѣздъ въ Кіевъ Петра Ильича Чайковского и постановку въ городскомъ оперномъ (старомъ, который потомъ сгорѣлъ) театрѣ Пиковой дамы, увидѣвшей свѣтъ ramпы первоначально въ Кіевѣ. О пріѣздѣ Чайковского въ кіевскомъ музыкальномъ мірѣ говорили заранѣе, его ждали, какъ крупнаго событія. Чайковскій пріѣхалъ и сразу весь ушелъ въ репетиціи, стараясь — какъ можно совершеннѣй подготовить постановку оперы. Говорили, что уже на первой оркестровой репетиціи онъ остался доволенъ. Хвалили потомъ и исполнителей, и декорации, особенно понравился ему видъ Зимней Канавки у Зимняго дворца.

17 декабря (1890 года) происходила генеральная репетиція «Пиковой дамы» при полной обстановкѣ, съ артистами въ гримѣ. Антреприза опернаго театра была тогда въ рукахъ извѣстнаго пѣвца И. П. Прянишникова, который разослалъ кіевлянамъ приглашенія на эту репетицію. Съ семи часовъ вечера театръ былъ окруженъ экипажами и пѣшей публикой. Входили въ театральное зданіе со стороны сцены, и такъ было странно проходить черезъ покатуя сцену, гдѣ толпились и расхаживали уже одѣтые и загримированные артисты-исполнители. Театръ былъ ярко освѣщенъ, музыканты сидѣли на мѣстахъ, все выглядѣло, какъ во время обычныхъ спектаклей. Была только одна особенность: съ лѣвой стороны авансцены, у литерныхъ ложъ перекинутъ былъ черезъ оркестръ мостикъ, соединяющій сцену съ партеромъ. Черезъ этотъ мостикъ проходили приглашенные, спускаясь по ступенькамъ въ зрительный залъ. Они размѣщались въ партерѣ,—

кто гдѣ хотѣлъ, а ярусы ложъ и галлерей остались пустыми. Партеръ былъ заполненъ, когда изъ-за занавѣса показался некрупный по росту, худощавый и изящный Петръ Ильичъ Чайковскій. За нимъ шли: г. Прянишниковъ, Л. А. Куперникъ и еще два-три лица изъ извѣстныхъ кievлянъ. Громкіе, полные воодушевленія аплодисменты понеслись навстрѣчу композитору, всѣ встали, какъ одинъ человѣкъ, грянулъ оркестръ, заигравъ тушь. Петръ Ильичъ сошелъ въ партеръ, прослушалъ тушь и долго раскланивался съ привѣтствовавшей его публикой. Потомъ, оставивъ своихъ спутниковъ, прошелъ въ боковую ложу надъ оркестромъ. Все утихло, дирижеръ І. В. Прибикъ торжественно взмахнулъ руками, и раздались первые звуки увертюры. Петръ Ильичъ облокотился о барьеръ ложи, — какъ будто съ такимъ расчетомъ, чтобы прикрыть рукою свое лицо отъ взоровъ публики. Одинокѣ сидѣть онъ въ ложѣ, — весь олицетворенное вниманье. Увертюра кончена, подняли занавѣсъ. На сценѣ былъ Лѣтній садъ, играющія дѣти съ няньками и мамушками — кормилицами. Напряженно слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ на сценѣ и И. П. Прянишниковъ, который оставался на мостикѣ, перекинутомъ черезъ оркестръ. Когда ему что-нибудь не нравилось, онъ входилъ на сцену, поправлялъ хористовъ, указывалъ имъ мѣста, говорилъ что-то, но дѣлалъ это такъ искусно и почти непримѣтно, что не нарушалъ хода дѣйствія, не мѣшалъ поющимъ. Красовался на сценѣ М. Е. Медвѣдевъ, — любимецъ, даже кумиръ кievскихъ дамъ, — эффектный, какъ никогда, — въ костюмѣ и въ роли Германа. И звуки музыки, и голоса артистовъ неслись все увѣреннѣй, все стройнѣе, а П. И. Чайковскій продолжалъ прислушиваться, сдвинувъ брови, съ отраженіемъ на лицѣ тревоги и какого-то словно принужденія по отношенію къ самому себѣ. Казалось, будто онъ старается отрѣшиться отъ мысли о своемъ композиторствѣ и слушать *свое* спокойно и критически, *какъ чужое*, но что это ему не удастся, потому что изощренная музыкальная память при каждомъ предыдущемъ мотивѣ диктуетъ напередъ мотивъ послѣдующій. Онъ волновался, и это было замѣтно. Тонко-очерченное, будто выточенное лицо его было гораздо блѣднѣе обычнаго, глаза не переставали глядѣть на сцену съ тревогой...

Присутствующихъ захватила опера. Въ перерывахъ между актами не затихали бурныя оваціи и аплодисменты. Въ толпѣ напѣвали только что услышанные мотивы, хвалили, восхищались... «Три карты! Три карты! Три карты!» поднимался оперный мотивъ надъ зрительнымъ заломъ, и нельзя было уловить, кто же повторяетъ это? Чѣмъ дальше, тѣмъ больше внутренне разогрѣвались слушатели. Вызывали Чайковского и бѣшено аплодировали ему, вызывали Прянишникова, исполнителей, дирижера Прибика. Тревога сбѣжала съ блѣднаго, изящно-тонкаго лица

Чайковского. Онъ чуть порозовѣлъ, глядѣлъ блестящими глазами, кланялся, слегка улыбаясь, и на глазахъ у слушателей обнималъ и цѣловалъ М. Е. Медвѣдева, талантливо перевоплотившагося въ Германа.

Первое представленіе «Пиковой дамы» 19 декабря обратилось для Петра Ильича въ сплошное торжество. Театръ биткомъ былъ набитъ элегантною и оживленно-нетерпѣливой на этотъ разъ публикой. Фраки, эполеты, бальные туалеты дамъ и бурная, пламенно-восторженная южная молодежь, темнѣющая сплошнымъ полукруглымъ пятномъ подъ потолкомъ на галлерей. Композиторъ сидѣлъ у сцены въ боковой «директорской» ложѣ и теперь не казался взволнованнымъ. Было ли то результатомъ большаго, чѣмъ на генеральной репетиціи, самообладанья, или генеральная репетиція успокоила композиторскія сомнѣнія и тревогу, — кто знаетъ? Но Петръ Ильичъ былъ невозмутимъ на видъ, онъ теперь не закрывался рукою отъ публики. Когда послѣ заключительной сцены первой картины среди громовыхъ ударовъ и блеска молній опустился занавѣсъ, — въ залѣ началась своя буря восторженныхъ криковъ. «Чайковского! Чайковского!» — кричали театральные верхи, низы и ложи, не утихая. Чайковскій вышелъ на вызовы и аплодисменты, опять, — какъ два дня назадъ, — поднялась съ своихъ мѣстъ публика и встрѣтила композитора самыми горячими оваціями. Оркестръ игралъ тушь, но его никто не слушалъ, а дирижеръ Прибикъ тоже всталъ и съ увлеченьемъ аплодировалъ Чайковскому. Оваціи повторялись много разъ, послѣ каждой картины. По окончаніи второго акта поднимали занавѣсъ и композитора окружила на сценѣ вся оперная труппа: артисты, весь хоръ и музыканты оркестра. Герою вечера поднесенъ былъ большой и красивый, серебряный вѣнокъ съ простою надписью: «Дорогому гостю П. И. Чайковскому — кievское оперное товарищество». На серебряныхъ лентахъ вѣнка вырѣзаны были имена всѣхъ членовъ товарищества. Дальше стали вручать композитору еще какія-то подношенія. Помню среди нихъ изящный письменный приборъ (изъ серебра съ эмалью) парижской работы отъ г-жи фонъ-Т. и лавровый вѣнокъ отъ директора кievскаго общества любителей музыки, В. Н. Гартевельда. Послѣ оперы вызывали безъ конца и Чайковского и Прянишникова, и Прибика, и, конечно, Медвѣдева съ остальными исполнителями. Въ залѣ нѣсколько разъ гасили свѣтъ, а часть публики не хотѣла расходиться, и гулко разносилось надъ душнымъ, уже наполовину опустѣвшимъ, заломъ все одно и то же несмолкаемое имя: «Чайковского». Наконецъ кто-то пустилъ слухъ: Чайковскій уѣзжаетъ. И толпа молодежи, не одѣваясь, хлынула къ артистическому подъѣзду театра, — еще разъ поаплодировать композитору. Усталаго Чайковского не отпустили сразу домой. Сейчасъ же послѣ «Пиковой дамы» оперное товари-

щество давало ужинъ въ честь «дорогого гостя». Ужинали въ ресторанѣ гостиницы Метрополь (нынѣ Франсуа) противъ опернаго театра. Не стихали здравицы, рѣчи, прославленія и пожеланья. П. И. Чайковскій былъ, повидимому, растроганъ и доволенъ, и подробно рассказывалъ о своихъ планахъ и проектахъ на ближайшее будущее. Къ веснѣ онъ собирался въ Парижъ, гдѣ въ театрѣ Chatelet предполагался рядъ концертовъ подъ управленіемъ Петра Ильича, оттуда (изъ Гавра) предполагалъ проѣхать пароходомъ въ Америку и вернуться въ концѣ мая, а будущей зимой общалъ пріѣхать въ Кіевъ, чтобы организовать здѣсь большой симфоническій концертъ. Охотно сообщалъ Чайковскій и о своихъ музыкальныхъ работахъ. Работалъ онъ тогда, по его словамъ, надъ музыкой 2-актнаго балета для императорскаго петербургскаго театра и писалъ одноактную оперу. Общалъ, что она — по окончаніи — появится одновременно на петербургской и кіевской сценахъ. Сюжетъ оперы, говорилъ онъ, взять изъ области французскихъ историческихъ легендъ. Названіе: «Дочь короля Рене». Передъ тѣмъ разнесся въ Кіевѣ слухъ, будто П. И. Чайковскій пишетъ оперу на тему лермонтовскаго «Героя нашего времени», и теперь П. И. опровергалъ это.

Всѣ прислушивались къ его негромкимъ рѣчамъ, и казалось, что этотъ неутомимый талантъ и работникъ музыки долго будетъ еще украшать Россію своимъ творчествомъ, подарить всѣмъ намъ еще много незабываемыхъ мелодій и музыкальныхъ пьесъ, напишетъ не одну оперу... А между тѣмъ прошелъ годъ, не успѣлъ закончиться другой, и тотъ же музыкальный Кіевъ, который чествовалъ Чайковскаго послѣ «Пиковой дамы», горько оплакивалъ скончавшагося композитора на панихидахъ и собраніяхъ, посвященныхъ памяти покойнаго. И звучали уже иныя — не заздравныя — рѣчи, и говорили о Чайковскомъ: «Закатилось солнце музыки русской»...

Изъ многообразныхъ встрѣчъ моихъ съ кіевлянами вспоминаются мнѣ встрѣчи съ кіевскимъ профессоромъ Владиміромъ Бонифатьевичемъ Антоновичемъ (однофамильцемъ Аѣиногена Яковлевича). Извѣстный историкъ и археологъ (не такъ давно скончавшійся), онъ отличался большой и неподдѣльной простотой, какой-то особенной скромностью. Это не была та нѣсколько аффектированная и по преимуществу показная скромность, которая иногда встрѣчается у людей одаренныхъ и прославленныхъ, или мнящихъ себя таковыми. Во всемъ обликѣ В. Б. сквозило что-то безсознательно скромное, присущее ему почти органически. Родившійся въ католической семьѣ и принявшій потомъ православіе изъ-за желанія полного сліянія съ «своимъ» украинскимъ народомъ (извѣстная исторія, которой многіе не прощали В. Б. при жизни его, да не

простили, кажется, и послѣ его смерти), — онъ по складу ума своего, по привычкамъ, личнымъ требованіямъ и образу жизни — былъ демократъ до глубины души, чуждый всего показного, напыщеннаго или ходульнаго. И при томъ — демократъ мягко-деликатный, съ удивительной бережностью относящійся къ чужому и собственному достоинству, снисходительный къ другимъ и строгій къ себѣ, беспощадный лишь въ одномъ случаѣ, когда дѣло шло о дорогихъ для него принципиальныхъ вопросахъ. Тутъ не зналъ онъ ни жалости, ни снисхожденія, обнаруживалъ твердость духа, подчасъ жестокою.

Мнѣ пришлось встрѣтиться съ Владиміромъ Бонифатьевичемъ у Катерины Николаевны Мельникъ, которая была ученицей В. Б. (по кіевскимъ женскимъ курсамъ), а впослѣдствіи, когда В. Б. овдовѣлъ, вышла за него замужъ. К. Н. Мельникъ я считала своею землячкой, такъ какъ отецъ ея, — Николай Матвѣевичъ Мельникъ, — симпатичный и хорошій человекъ, — былъ общеизвѣстнымъ врачомъ въ Кременчугѣ. Кажется, акушеръ по специальности, онъ успѣшно врачевалъ самыя различныя болѣзни, числился гимназическимъ докторомъ, лѣчилъ всѣхъ и вся отъ мала до велика и въ семьѣ моего отца. При непремѣнномъ участіи и наблюденіи Н. М. Мельника протекали и у меня всѣ неизбѣжныя дѣтскія болѣзни. Ко мнѣ онъ благоволилъ и даже сравнивалъ меня съ дочерью своею, Катериной Николаевною, которою, видимо, гордился. Объ этой дочери Николай Матвѣевичъ любилъ рассказывать, о томъ, что она — ученица «Владиміра Антоновича», что занимается археологическими раскопками, печатаетъ статьи свои въ «Кіевской Старинѣ», выступаетъ съ рефератами въ историческихъ обществахъ и на археологическихъ съѣздахъ. Благодаря его рассказамъ, К. Н. Мельникъ представлялась мнѣ не чужою, а кѣмъ-то своимъ, близкимъ, почти такимъ же близкимъ, какъ и ея отецъ. Устремляясь въ Кіевъ, я неясно надѣялась на Катерину Николаевну. Казалось, что стоитъ мнѣ явиться къ этой знакомой незнакомкѣ, сказать ей: вотъ, такъ и такъ... я — ваша землячка, знаю хорошо отца вашего, Николая Матвѣевича, и маму вашу знаю немного... а затѣмъ — все дальнѣйшее наладится само собою, и Катерина Николаевна поможетъ мнѣ отыскать то неопредѣленное «что-нибудь», о которомъ мечтала я, уѣзжая изъ Кременчуга. Но Катерины Николаевны я не застала въ Кіевѣ. Она была командирована московскимъ археологическимъ обществомъ на лѣтнія раскопки и еще не возвратилась съ раскопокъ, которыя производила въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, между порогами Сурскимъ и Лаханскимъ. По возвращеніи Катерины Николаевны я побывала у нея, — уже въ качествѣ сотрудницы «Кіевского Слова», — и мы познакомились. Жила она тогда на Мало-Васильковской улицѣ, въ домѣ № 22. Это былъ скромный деревянный домикъ съ тремя

окнами на улицу и палисадникомъ вдоль лицевого фасада. Чѣмъ то деревенскимъ вѣяло отъ него, какъ и отъ всей Мало-Васильковской улицы, — тихой и словно полусонной, — съ сочными деревьями съ «чернобрѣвцами» и душистымъ табакомъ въ уличныхъ палисадникахъ... Мы разсматривали съ Катериной Николаевной трофеи только что законченныхъ ею раскопокъ. Въ томъ году ей удалось найти много кремневыхъ орудій, орудій изъ полированного камня и другихъ предметовъ изъ первобытной жизни человѣка. Такъ какъ я собиралась описать все это въ «Кіевскомъ Словѣ», то Катерина Николаевна подробно сообщала мнѣ свѣдѣнія, касавшіяся найденныхъ вещей. Она говорила, я записывала.

— Боевой каменный молотокъ, — отмѣчала она для моей записи. — Пращные камни. Точильные камни. Нѣсколько цѣлыхъ костяныхъ шилъ... Два долота... Грузило для сѣти и два вида раковинъ: двухстворчатая (*unio pictorum*) и спиральная (*limax*)...

— Ой, какую вы тутъ разводите метафизику! Можно ли и войти къ вамъ? — пугливо произнесъ за неприкрытой входной дверью чей-то негромкій и глуховатый голосъ.

— Владиміръ Бонифатьевичъ! — обрадовалась Катерина Николаевна. — Входите, входите. Мы метафизику отложимъ на послѣ.

Вошелъ Владиміръ Бонифатьевичъ, — невысокій, худощавый, съ непропорціонально-большой, — сравнительно съ ростомъ, — головою, съ длинными и густыми чуть рыжеватыми и уже припудренными сѣдиной волосами, которыхъ было у него такъ много, что казалось, будто онъ не снялъ еще шляпы. Онъ пришелъ безъ пальто (теплая осень все не уступала мѣста ни зимѣ, ни слякоти), въ затрапезномъ сѣренъкомъ пиджачкѣ, въ порыжѣлыхъ, словно давно нечищенныхъ сапогахъ, въ мягкой, вышитой бѣлой мережкой, малорусской рубахѣ.

— Познакомьтесь съ землячкой моей, — сказала Катерина Николаевна и назвала меня. — Безстрашная особа. Пріѣхала въ Кіевъ, собиралась меня дожидаться, чтобы устроиться съ работой. Да не дождалась и устроилась сама, у Аѣиногена, въ «Кіевскомъ Словѣ». И какія загребаетъ деньги теперь! Мнѣ и не снились подобные заработки.

Владиміръ Бонифатьевичъ улыбался; лицо его очень выигрывало отъ улыбки. Поговорили объ «устроившемъ» меня В. Н. Николаевѣ. Антоновичъ замѣтилъ:

— Я знаю его. Онъ человѣкъ добрый.

Потомъ Катерина Николаевна занялась приготовленьями къ чаю, а Влад. Бониф. сталъ сообщать мнѣ свѣдѣнія о привезенныхъ Катер. Никол. кремневыхъ орудіяхъ, о «бытовыхъ» горшкахъ, о погребальныхъ урнахъ. Въ его обработкѣ газетная замѣтка выходила болѣе живой и доступной для широкой публики, интересной для того, кто имѣлъ по археологіи самыя смутныя познанія.

Послѣ мы пили чай, и Влад. Бониф. очень просто, серьезнымъ тономъ, не улыбаясь, но съ большимъ комизмомъ рассказывалъ

эпизоды изъ своей жизни. Говорилъ онъ не по-украински, а по-русски, съ легкимъ, скорѣе польскимъ, чѣмъ малорусскимъ акцентомъ. Тутъ я въ первый и отъ него самого услышала извѣстнѣйшій разсказъ о томъ, какъ какое-то медицинское свѣтило (какъ будто, онъ называлъ имя московскаго Захарьина, но я не увѣрена въ этомъ), къ которому В. Б. зашелъ посоветоваться о своемъ здоровьѣ, фамиллярно спросило у него, принимая его за мастерового: «Пьешь? Навѣрно, пьянствуешь!» — «Пью, — отвѣчаю я (разсказывалъ съ серьезнымъ лицомъ В. Б.), — но не пьянствую. Такъ, чарку-другую выпью иной разъ въ компаніи». — «Разсказывай! Въ компаніи! а что же у тебя носъ такой красный?» — «Не знаю. А только не отъ пьянства. Отъ другой, вѣрно, какой-то причины». — «Жизнь ведешь, сидячую?» — «Больше — сижу». — «Чѣмъ занимаешься? Мастеровой? Сапожникъ, что ли?» — «Нѣтъ. Я... въ университетѣ»... — «Служишь педелемъ?» — «Нѣтъ. Я... я... лекціи студентамъ читаю». Тутъ, конечно, табло! Свѣтило вскакиваетъ на ноги: «Профессоръ! ради Бога! У меня голова кругомъ идетъ: до того утомленъ я! Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь?» И такъ далѣе.

Сообщилъ тогда В. Б. и еще нѣсколько комическихъ случаевъ, возникшихъ на той же почвѣ изъ-за его внѣшней непредставительности. «А то еще, — говорилъ онъ, — на археологическомъ съѣздѣ дѣло было. Избранъ я былъ предсѣдателемъ одной изъ секцій, и въ тотъ же день вечеромъ на первомъ собраніи секціи долженъ былъ прочитать докладъ свой. Прихожу первымъ, нарочно пошелъ пораньше, чтобы разложить бумаги свои и справки передъ докладомъ. Вошелъ и иду къ предсѣдательскому мѣсту. А одинъ изъ молодыхъ служителей окликаетъ меня: «Ну, куда лѣзешь?» — «Иду на свое мѣсто», говорю я. «Тутъ профессора Антоновича мѣсто, а ты — лѣзешь». — «Да я, — говорю, — и есть профессоръ Антоновичъ». — «Ну, проходи, проходи. Нечего шутики шутить, некогда. Не видно развѣ тебя, какой ты профессоръ? Проваливай».

И еще разсказывалъ онъ:

— «А рекордъ въ этомъ направленіи побить былъ молодымъ московскимъ историкомъ Н. (В. Б. называлъ имя этого историка, но оно ничего не говорило мнѣ тогда, и — къ сожалѣнію — я его не помню). Онъ интересовался исторіей Малороссіи и вступилъ со мной въ переписку. Переписка у насъ продолжалась долго, была оживленная. Мы заочно успѣли другъ друга узнать и цѣнить начали. Наконецъ пишетъ онъ мнѣ, что проведетъ нѣсколько дней въ Кіевѣ и что побываетъ непременно у меня. Я отвѣчаю, чтобы заѣзжалъ онъ ко мнѣ — прямо съ вокзала, съ вещами. Приготовляю для него комнату и жду. Какъ-то рано утромъ (а встаю я всегда очень рано) сижу за работой въ кабинетѣ и слышу — звонокъ съ параднаго хода. Наши всѣ еще спали, иду самъ отворить дверь. А былъ я въ скверненькомъ пиджакѣ, ку-уда хуже этого, что на мнѣ сейчасъ! И съ утра, разу-

мѣется... растрепанъ, — несовсѣмъ еще въ порядкѣ. Отворяю дверь, передо мной неизвѣстный молодой человѣкъ представительный такой, элегантный. Я моментально сообразилъ, кто это, но не успѣлъ открыть ротъ, какъ онъ говоритъ мнѣ: «Здравствуй, голубчикъ. Что профессоръ Антоновичъ дома?» — «Здравствуйте, — отвѣчаю, — дома». — «Снеси-ка, братецъ, пожалуйста, мои вещи. Тутъ у васъ для меня комната приготовлена. Я — N изъ Москвы». — «Знаю, — говорю, — мы васъ давно поджидаемъ». Даю я извозчику какую-то мелочь, беру вещи: чемоданъ, портпледъ, еще что-то... несу въ комнаты. N. идетъ за мною. «Что, — спрашиваетъ, — Владиміръ Бонифатьевичъ встаетъ поздно?» — «Нѣтъ, — говорю, — рано». — «А онъ еще спитъ?» — «Нѣтъ, уже не спитъ». — «Гдѣ же онъ?» — «Да это, — говорю, — я». Ну, потомъ мы оба порядкомъ-таки посмѣялись, а сперва N ужасно какъ былъ сконфуженъ.

Какъ и Л. А. Куперникъ, Владиміръ Бонифатьевичъ охотно подшучивалъ надъ своей «мизерабельной» наружностью. Да и правда; сказать, что онъ выглядѣлъ некрасивымъ, — этого было бы мало. Лицо его — помимо недостатка гармоничности въ чертахъ — казалось неодухотвореннымъ, лишеннымъ выразительности и отпечатка внутреннихъ утонченныхъ переживаній. По внѣшности этого тонко-интеллигентнаго человѣка легко можно было принять не только за забулдыгу-мастерового, но еще за подозрительнаго субъекта безъ опредѣленныхъ занятій... Ходячее мнѣніе, будто лицо — есть зеркало души — онъ опровергалъ своей наружностью наглядно и несокрушимо...

Разставаясь, мы порѣшили осмотрѣть въ ближайшій праздничный день новинки археологическаго музея при кіевскомъ университетѣ, которымъ завѣдывалъ Владиміръ Бониф., и затѣмъ описать эти новинки въ «Кіевскомъ Словѣ».

— Для «Кіевского Слова» я готовъ давать какія только могу сообщенія, — сказалъ Влад. Бониф. — Я и для «Зари» всегда давалъ. «Кіевское Слово» — умѣреннѣй «Зари», но оно все же приличное. А вотъ «Кіевлянину» не дамъ ни строчки. Ко мнѣ какъ-то явился Г—чъ. Я раньше зналъ его, какъ сотрудника «Зари». При томъ онъ самъ археологъ, самъ производилъ раскопки. Сталъ рассказывать мнѣ про свои послѣднія находки. Я слушаю, заинтересовался. Потомъ онъ говоритъ: «А я пришелъ поразспросить о вашихъ въ это лѣто раскопкахъ, хочу тиснуть замѣтку въ газетѣ». — «Съ удовольствіемъ, — отвѣчаю я. — Вы теперь въ «Кіевскомъ Словѣ»? — «Нѣтъ, — говоритъ. — Я — въ «Кіевлянинѣ». Я такъ и подпрыгнулъ. «Что?! Въ «Кіевлянинѣ»? Да какъ же вы явились ко мнѣ? У васъ травятъ украинцевъ, пишутъ, будто я въ «батъки-гетманы» мѣчу... а я буду сообщать имъ о моихъ раскопкахъ? Да никогда... пока живу на свѣтѣ!»

Въ назначенный день зашла я къ Катеринѣ Николаевнѣ, и мы отправились съ нею за Владиміромъ Бониф., чтобы потомъ

пойти въ университетъ. В. Б. жилъ въ собственномъ домѣ (или это, кажется, былъ домъ его жены, не помню навѣрное) на углу Жиланской и Кузнечной улицъ. Домъ былъ деревянный, типичной старой кievской постройки съ мезониномъ наверху. Уже и тогда немного такихъ домовъ оставалось въ Кievѣ, теперь ихъ не видно вовсе.

Кабинетъ В. Б. былъ такой же скромный, какъ и его хозяинъ. Въ немъ не было ничего лишняго, вдоль стѣнъ стояли темные, наглухо закрытые библиотечные шкапы съ раздвижными дверцами. Катерина Никол. сообщила мнѣ, что В. Б. трунить надъ тѣми учеными, которые демонстрируютъ свою ученость, обкладывая себя книгами и выставляя ихъ на показъ. Потому-то онъ самъ и прячетъ свою обширную, прекрасно-подобранную библиотечку за глухими дверцами шкаповъ.

Въ зданіи университета долго шли мы безконечными коридорами и долго послѣ того позванивалъ В. Б. массивными ключами, пока отперъ нѣсколько массивныхъ дверей. Мы прошли нумизматическій кабинетъ, гдѣ въ примѣрномъ порядкѣ разложены были въ застекленныхъ витринахъ всевозможныя древнія монеты, и вступили въ археологическій музей. Порядокъ и здѣсь былъ образцовый. Новинками являлись двѣ коллекціи, пріобрѣтенныя недавно. Одна изъ нихъ собрана была на Княжьей горѣ вблизи Канева, на территоріи села Пекари, и заключала въ себѣ цѣнныя предметы, относящіеся къ княжеской эпохѣ. Другая составлена была изъ предметовъ, собранныхъ въ Волынской губерніи. Я едва успѣвала записывать въ своей книжкѣ незнакомыя мнѣ доселѣ наименованія древнихъ вещей.

Бронзовыя серьги кievскаго типа... Бронзовыя складныя тыльники, стрѣлы ромбообразнаго (азіатскаго) и бородчатаго (европейскаго) типа... Грудныя фибулы... Шейныя гривни... и прочее, и прочее. Вещей было утомительно много. Влад. Бониф. относился къ нимъ съ такимъ заботливымъ вниманіемъ, точно это были живыя существа. Ему было боязно, какъ бы я не напутала при составленіи замѣтки о музеѣ, не переврала названій предметовъ. Вообще онъ опасался, что напишу я, въ силу неподготовленности своей, не то, что надо... И неловко было ему обидѣть меня недоустріемъ къ моимъ репортерскимъ силамъ. А потому онъ сказалъ съ большою осторожностью:

— Вы, когда напишете о музеѣ, занесите рукопись мнѣ. Знаете, умъ хорошо, а два лучше. Можетъ-быть, я теперь упустилъ что-нибудь изъ виду... то потомъ можно будетъ добавить. Такъ вѣдь сразу не охватишь всего, даже и при хорошемъ знакомствѣ съ предметомъ.

Я поняла его маневръ и на другой день послала ему рукопись. Къ замѣткѣ моей онъ добавилъ немного, но то, что было написано, выправилъ весьма основательно.

Послѣ мнѣ частенько доводилось встрѣчаться съ нимъ, то у Кат. Никол., то у Антонины Ростиславовны Вольманъ, урожден-

ной Рыльской. А. Р. Вольманъ была родною сестрой Ѳаддея (Тадеша) Ростиславовича Рыльского, стариннаго друга Владимира Бонифатьевича. У нея бывало много разнаго народа, преимущественно изъ кievскихъ украинцевъ: нынѣшній извѣстный профессоръ М. Грушевскій, Х. И. Волкова, М. Довнаръ-Запольскій, Н. Дирдовскій и многіе другіе. Среди этой тогда молодой компаніи Х. И. Волкова и В. Б. Антоновичъ казались патріархами въ кругу молодежи. Когда Влад. Бониф. бывалъ въ ударѣ, онъ хорошо передавалъ анекдотическія сценки. Былъ у него отдѣльный циклъ рассказовъ о католическихъ ксендзахъ, — рассказовъ, полныхъ незлобиваго юмора, подчасъ нѣсколько рискованныхъ...

Но что особенно бросалось въ глаза, — даже при отдаленномъ знакомствѣ съ Влад. Бониф., — это его большая участливость, активная отзывчивость на чужую бѣду или затрудненіе, способность проникаться чужими интересами, забывая о своихъ, не обращающаго вниманія на незначительность чужого затрудненія въ сравненіи съ собственной бѣдою. По поводу этой трогательной черты В. Б. вспоминается мнѣ комическій эпизодъ, столкнувшій меня съ Владим. Бониф. однажды въ предутренній часъ теплаго весенняго дня. Эпизодъ — самъ по себѣ мелочной, но вскрывающій сущность человѣческаго характера, какъ это часто бываетъ именно съ мелочами. Въ то раннее утро я была экстренно разбужена почти на разсвѣтѣ. Оказалось, что въ городѣ произошло сенсационное убійство, совершенное передъ разсвѣтомъ неизвѣстно кѣмъ и по загадочно-непонятнымъ на первый взглядъ мотивамъ. Сообщить мнѣ объ этомъ спѣшно примчался на извозчикѣ одинъ изъ кievскихъ полицейскихъ городовыхъ, — мой испытанный (въ борьбѣ «Кievскаго Слова» съ полицмейстеромъ Живоглядковымъ) приверженецъ. Кратко, но обстоятельно изложилъ онъ все, что ему самому о происшествіи было извѣстно и закончилъ, подчеркивая свою расторопность:

— Такъ что... вѣрно еще и полицмейстеръ не узнавши про это! Онъ — поспать гораздъ. Пока добудятся передъ утромъ. Я такъ полагаю, что еще не знаетъ. Доложить ему не успѣвши. Вы поспѣете прежде его.—Боюсь назвать хотя бы начальную букву фамиліи моего городского, чтобы случайно не повредить его полицейской карьерѣ, которую онъ сдѣлалъ навѣрное, такъ какъ у него были для того всѣ данныя. Бравая при военной выправкѣ внѣшность, умѣнье извлекать пользу изъ всякихъ обстоятельствъ, быстрота дѣйствій, недурная сообразительность, точная наблюдательность и планомѣрная осторожность... Получивъ повышенный (строго регламентированный для такихъ чрезвычайныхъ случаевъ) гононаръ, онъ откланялся и со словами: «Счастливо оставаться!» — исчезъ, какъ призракъ, словно растаявъ въ утреннемъ полусвѣтѣ. Я же стремглавъ бросилась къ мѣсту кроваваго происшествія. Выбѣгаю на свою (Большую Подвальную) улицу, — день едва

сѣрѣть, и — какъ на грѣхъ — ни одного извозчика. Бѣгу, сколько хватаетъ духу, и вижу впереди себя тоже бѣгущаго небольшого худощаваго человѣка. Онъ передвигается съ быстротой и легкостью, но съ тою неуклюжестью, съ какою бѣгаютъ люди, привыкшіе къ сидячей жизни. «Вѣрно, тоже на убійство? Куда бы онъ такъ бѣжалъ въ такое раннее время?» предполагаю я, и стараюсь нагнать бѣгущаго. Но разстояніе между нами довольно велико, онъ уходитъ отъ меня, а у меня созрѣваетъ твердое убѣжденіе: «На убійство, не иначе!» Наконецъ, пустившись ускореннымъ бѣгомъ, нагоняю его и вижу передъ собой... Владиміра Бонифатьевича Антоновича.

— Вы куда это мчитесь? — пораженно спрашиваетъ онъ, узнавъ меня, даже пріостанавливается, слегка задыхаясь.

— У меня — убійство. А вы?

— А у меня операція. Утромъ около восьми часовъ. Опять рецидивъ у жены. Врачи торопятъ, назначили на сегодня, а ассистентъ — самъ заболѣлъ. Такъ я тутъ по разнымъ докторамъ бѣгаю, чтобы не откладывать.

Жена Влад. Бониф.,—Варвара Иван. Антоновичъ,—больна была ракомъ груди. Жизнь ея удавалось поддерживать въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, благодаря своевременнымъ операціямъ и тщательному уходу.

— Господи! — сокрушенно взываю я. — И нужно же, чтобы ни одного извозчика! А я то мечтала раньше полицмейстера пріѣхать. Думала: вотъ посрамленъ будетъ Живоглядовъ.

Должно-быть, у меня очень огорченный видъ, и это заставляетъ Влад. Бон. проникнуться моимъ затрудненіемъ, невзирая на его семейное горе.

— Извозчика? — сочувственно переспрашиваетъ онъ и начинаетъ кричать на авось во весь голосъ: «Извозчикъ! Извозчикъ!» Вдали, откуда-то изъ-за Золотоворотскаго сквера появляется силуэтъ извозчикъей пролетки.

— Извозчикъ! — кричу и я, уже окрыленная надеждой.

Черезъ нѣсколько секундъ — я въ пролеткѣ, и говорю Влад. Бон. «А вы? Садитесь, подвезу и васъ?» Онъ вмѣсто отвѣта машетъ рукою: «Мнѣ еще въ аптеку надо!» До мѣста убійства далеко, но извозчикъ, подгоняемый обѣщаннымъ рублемъ на чай, изъ всѣхъ силъ хлещетъ лошаденку. Мы не ѣдемъ, а несемъ вскачь и достигаемъ цѣли: Живоглядова на мѣстѣ происшествія нѣтъ еще и въ поминѣ. У меня уже занесены въ книжку многія подробности кроваваго событія, когда, наконецъ, подкатываетъ въ коляскѣ на парѣ вороныхъ заспанный Живоглядовъ. Завидѣвъ меня, онъ не можетъ скрыть на лицѣ своемъ досадливаго изумленія, но приближается и любезно здоровается со мною, такъ какъ его вражда съ «нападающимъ» на полицію «Кіевскимъ Словомъ» лично на меня (можетъ-быть, потому, что я все же «протеже» вице-губернатора) не распространяется.

— А вы уже здѣсь? — говорить онъ, будто шутливо, но въ полуукоризненномъ тонѣ его прорываются отзвуки профессиональной ревности. — Право, васъ когда-нибудь арестуетъ слѣдственная власть! Вы о всякомъ происшествіи узнаете за полчаса раньше, чѣмъ оно случится. Ну, долженъ признать, хорошая у васъ агентура. И дорого бы я далъ, чтобы развѣдать, гдѣ ея штабъ-квартира?

Я непроницаемо молчу, потому что не могу же отвѣтить: «Мнѣ это тоже стоитъ не дешево. А штабъ-квартира моей агентуры тамъ же, гдѣ и вашей: Софійская площадь, помѣщеніе адреснаго стола и городской полиціи».

Спустя дня три, встрѣчаю снова Влад. Бониф. на какомъ-то засѣданіи въ университетѣ. Онъ, здороваясь со мной, участливо спрашиваетъ: «Ну, что? Какъ? Поспѣли тогда во-время?» — «Во-время», отвѣчаю я и благодарю его за содѣйствіе. «И Живоглядовъ былъ посрамленъ?» продолжаетъ онъ, снисходя къ моему тщеславію. «Да какъ! — похваляюсь я. — Черезъ полчаса послѣ меня пріѣхалъ! это уже не посрамленъ, а разбитъ на голову». Влад. Бониф. добродушно усмѣхается...

У Антонины Ростиславовны Вольманъ встрѣчала я и Ѳаддея Рыльского (брата А. Р. Вольманъ), наѣзжавшаго въ Кіевъ изъ деревни своей, Романовки, Сквирскаго уѣзда. Однажды въ этой Романовкѣ случилось мнѣ провести часть рождественскихъ святокъ, и тамъ — единственный разъ въ моей жизни — видѣла я неподдѣльно-дружескія и неподдѣльно искреннія отношенія между деревней и помѣщичьей усадьбой, между «паномъ» и «мужиками». Впрочемъ, Ѳаддея Ростиславовича никто изъ «мужиковъ» не называлъ паномъ. И онъ былъ бы жестоко обиженъ, если бы кто-нибудь изъ романовцевъ такъ его назвалъ. Человѣкъ глубокой души, интеллигентный, умный и чуткій, женатый вторымъ бракомъ (первая жена его была изъ аристократическаго общества, а мать — извѣстная въ свое время красавица, княжна Трубецкая) на крестьянкѣ изъ той же Романовки, — онъ сливался съ крестьянской средой и съ крестьянской жизнью такъ отъ души и такъ прочно, какъ только возможно для интеллигента. Когда я читала нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ трогательно хоронили романовцы скончавшагося Ѳаддея Рыльского, какъ, соблюдая старинные (еще козацкіе) обычаи похоронъ, несли на рукахъ до могилы его «трумну» и навзрыдъ плакали надъ нею, — меня не удивило это описаніе. Оно не показалось мнѣ приукрашеннымъ. Ѳаддей Рыльскій также искренно относился къ романовцамъ, какъ искренни были ихъ слезы надъ его «трумной». Съ Ѳ. Р. Рыльскимъ мнѣ случалось встрѣчаться чаще, чѣмъ съ В. Б. Антоновичемъ. Но о встрѣчахъ съ Рыльскимъ пришлось бы рассказывать много, а уже пора кончать.

О. Н. Ольнемъ.